

Игорь Сорокин

ФЛАГМАН ФЛОТИЛИИ. ВЫЖИТЬ ВОПРОЕК...

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Annotation

Наш современник, морской офицер, попадает в сознание командира монитора «Ударного», корабля Дунайской флотилии, в 1940 год, перед самым началом Великой Отечественной Войны. И теперь он Иван Прохоров, старший лейтенант.

Знание, а самое главное понимание причин начальных провалов в войне заставляют его внедрять новые методы борьбы с вражеской авиацией.

Не имея возможности раскрыть происхождение информации и знаний, Прохорову приходится рисковать...

За него техника и технологии, а против – гении от разведки и войны.

Игорь Владимирович Сорокин

Флагман флотилии

Выжить вопреки...

© Игорь Сорокин, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

С трудом поднявшиеся веки позволили разглядеть потолок палаты Николаевского военно-морского госпиталя.

Первое ощущение – лежу полностью обнаженный, укрытый знакомыми с юности простыней и слегка колючим войлочным одеялом. С потолка глаза опускаются на окно и осматривают палату: да, не физиотерапевтический кабинет, а именно больничную палату.

Смутное беспокойство наполняет меня. Последнее, что помню – споткнулся на входе в магазинчик – кафе в Николаевском военно-морском госпитале.

Палата знакомая, был как-то здесь, а содержимое... Вместо ламп дневного света высоко под потолком висят две лампочки Ильича с проводкой, закрепленной на фарфоровых изоляторах и в тряпичной изоляции. В палате возле четырех коек с панцирной сеткой стоят деревянные тумбочки, на одной из кроватей кто-то лежит. Откуда такой анахронизм – вместо современных покрытых эмалью штампованных шкафчиков и стоек для капельниц?

А на стене возле входной двери висят портреты Калинина, Сталина и Ленина, в верхнем углу – открытый динамик, из которого слышится песня в исполнении Леонида Утесова. Но самое удивительное – рядом с портретами бывших вождей висит на стене давно забытый кумачовый треугольный вымпел – «Победитель социалистического соревнования образцовой палаты военно-морского госпиталя». Бред какой-то.

Смотрю на пол и вижу знакомую с детства картину: на полу под дверцей топки печки-голландки – стопка дровишек и ведро угля, настоящего антрацита. От кафеля печи явно тянет теплом. Такого в наше время быть не может, ведь это же лечебное заведение. Где знакомые трубы и батареи центрального отопления?

Смотрю на ноги и вижу прикрепленную к стойке кровати классическую фанерную коробку, в которую раньше укладывали краткую историю болезни больного. Белеющий уголок какой-то бумаги обозначал правильность догадки. Тело само собой отреагировало на необходимость увеличения объема информации, несмотря на какую-то слабость, я смог потянуться и достать сдвоенный листок из школьной тетрадки. Что за анахронизм? Записи выполнены перьевой ручкой (с характерными изменениями утолщенности и небольшими кляксами в углу) и химическим карандашом, обнаруженным в том же коробе.

Чужой почерк, с непривычки, оказался трудно читаемым. Больничный лист разными почерками заполнен на имя старшего лейтенанта Прохорова И. А. – с трудом понял. Читаю дальше: испанка, осложнение, а главные даты – все от ноября 1940 года. Волосы встали дыбом, это что разыгрши?

Скрип койки и мои телодвижения не остаются незамеченными. Слышу скрип пружин соседской кровати и радостный возглас соседа по палате.

– Прохоров, наконец-то ты очнулся. Сестра, сестра, Прохоров очнулся.

Спустя несколько мгновений высокая двустворчатая дверь открывается и в палату забегают медсестра в белой косынке с вышитым красным крестиком, белоснежном халатике. Но самое удивительное – у нее на ногах. Под суконной серенькой прямой юбкой виднеются шерстяные чулки и туфельки «от бабушки». Небольшой рост и миловидное лицо с наивными, слегка навывкате глазами, толстая коса, свисающая до талии, плотно сбита, слегка полноватая фигура с грудью третьего размера. Увидев мое сидящее на кровати тело, явно с открытой душой обрадовалась моему пробуждению.

– Прохоров, наконец-то ты пришел в себя. Ой, извините, вы очнулись. Больной, вам нельзя подниматься, немедленно ложитесь.

Крепкие руки, умело взяв за плечи, привели мое тело в горизонтальное положение. Тут же, что-то вспомнив, медсестра стремглав побежала на выход.

– Вячеслав Викторович! Вячеслав Викторович, Прохоров пришел в сознание, – раздалось за открытой дверью.

Через несколько минут топот ног в коридоре известил о прибытии Вячеслава Викторовича и его окружения. Палата наполнилась людьми в белых халатах под предводительством начальника терапевтического отделения.

Это для нас грипп – обычное острое респираторное заболевание, настигающее каждого как минимум дважды в год и переносимое на ногах, в основном без обращения к врачу. А вот больному Прохорову повезло поменьше, страшная болезнь испанка свалила его в городе Николаеве и дала такое осложнение, что больной пролежал сутки в горячке и еще сутки в бессознательном состоянии.

– Молодой человек, возможно, вы вернулись с того света. Вам явно повезло.

Если бы знал Вячеслав Викторович, насколько его слова были недалеки от истины.

– Теперь полежите еще пару деньков, и вы сможете покинуть наш госпиталь. Тем более что скоро и ваш экипаж пойдет в Измаил.

В палате я оказался вместе с лейтенантом Крыловым, подхватившим ту же испанку и служившим во флотском экипаже при 61-м заводе.

Вереница мыслей пронеслось у меня в голове: это что, прикол или действительность. А если действительность, то как себя вести. Перед началом и во время войны сотрудники НКВД особо не церемонились: шпиономания и нетерпимость к политическим противникам культивировались повсеместно.

Я сразу же попросил себе подшивки газет из госпитальной «Красной комнаты», буквально через двадцать минут получил пять подшивок и углубился в чтение.

Итак, какие новости за рубежом?

Разгромив Францию, немцы пытались вынудить Великобританию к капитуляции и для этого начали массовые бомбёжки Британских островов. С июля 1940-го продолжалось крупнейшее в истории авиационное сражение в небе над Британией. Люфтваффе так и не удалось достигнуть поставленных целей, завоевать господство в воздухе и уничтожить британские ВВС. В октябре 1940 года итальянцы вторглись в Грецию с территории Албании. Несмотря на первые неудачи, греческая армия сумела выстоять и нанести поражение Италии. В Средиземноморье, чтобы обеспечить себе свободу действий и исключить возможность использования французского флота Германией, англичане в июле 1940 года «частично потопили и захватили все военные корабли французского флота».

9 августа 1940 года состоялось решение о переброске сил вермахта к границам СССР, а с сентября они стали сосредотачиваться в Румынии. Одновременно началась широкая кампания по дезинформации советского руководства, сыгравшая свою роковую роль при проведении мероприятий по отражению агрессии.

После победы над Францией Германия ускорила подготовку к войне против СССР: вопрос о «восточном походе» уже был обсужден 21 июля 1940 года на совещании Гитлера с командующими всеми видами вооруженных сил, а 31 июля он поставил задачу начать операцию в мае 1941 года и закончить ее в течение пяти месяцев.

Насколько помнится, предвоенная история соответствовала следующей

действительности.

1. В ноябре сего года британская авиация нанесет удар по итальянскому флоту в Таранто, после чего морские перевозки грузов для итальянских войск были очень затруднены.

2. Заканчивается «Битва ста полков», крупнейшая наступательная операция Народно-освободительной армии Китая против японских оккупационных войск (север Китая), которая началась 20 августа 1940 года и должна завершиться в начале декабря этого года.

3. Во второй половине ноября в Берлинский пакт (Германия, Италия и Япония), созданный в сентябре 1940 года, войдут Венгрия, Румыния и Словакия. Немцы предложат частичный вход в пакт Советскому Союзу, но из-за Румынии, Болгарии и Турции союза не получится. Камнем преткновения станут: для Германии – ее зависимость от румынской нефти; для Союза – стремление к контролю румынской нефти и Босфорских проливов Турции.

4. В результате германской «политики умиротворения» на северо-востоке и востоке Европы в состав СССР были включены территории с населением 14 миллионов человек, а западная граница отодвинута на 200–600 километров. На VIII сессии Верховного Совета СССР 2–6 августа 1940 года данные территориальные «приобретения» были юридически оформлены законами об образовании Молдавской ССР и принятии в состав Союза трех Прибалтийских республик.

5. 18 декабря 1940 года утвержден Гитлером знаменитый «вариант Барбаросса» – план войны против Советского Союза. С целью скрыть военные приготовления И. Риббентроп 13 октября 1940 года предложил И. В. Сталину принять участие в разделе сфер интересов в мировом масштабе. Совещание по этому вопросу состоялось 12–13 ноября в Берлине с участием В.М. Молотова, но из-за выдвижения обеими сторонами взаимонепримлемых условий оно успеха не имело.

Удивительно, но понятие о цензуре военно-промышленных аспектов информации в полностью политизированных газетах отсутствовало. Хвалебными одами своих достижений были заполнены все страницы как местных, так и центральных газет.

В одиночестве со своими мыслями я пребывал недолго. Вечером меня навестили старшина Нечипайло (с ним я отправлялся за пополнением) и старший лейтенант Павел Кручинин (помощник и командир артиллерийской боевой части моего монитора «Ударный», командиром которого я и являюсь).

– Товарищу командире, оце так добре, що ви вже пішли на одуження. А я вже й команду зібрав. Дзвонив до Ленінграду молоді гармаші вже їдуть потягом до Миколаїва, та будуть туточки у неділю. Бурлак теж у понеділок з заводу виходить. А там вже можемо й до дому йти, – Нечипайло, как и большинство выходцев из Одессы, говорил быстро на украинско-русском суржике и на одном дыхании выложил главные новости.

– Товарищ командир, старший лейтенант Кручинин, представляется по случаю возвращения из отпуска. За период отпуска происшествий с моим участием не случилось.

– Садись, Кручинин, – указываю на единственный стул, – да и ты, старшина, не стесняйся, присаживайся на кровать. В ногах правды нет, а узнать хочется многое, как без меня справляетесь, – пытаюсь я войти в роль отца-командира.

Павел возвращался из отпуска. Узнав о моей болезни, он, с ведома командования, задержался для подмены, возглавив вместо меня экипаж из пополнения краснофлотцев, призванных для нашей флотилии. Осталось принять команду артиллеристов из Ленинграда.

Узнав от старшины Нечипайло, что я очнулся, решил меня навестить, заодно и представиться по случаю возвращения из отпуска.

Пополнение, как и планировалось, разместили на плавказарме флотского экипажа. Будущая канонерская лодка «КП-22» (сейчас речной колесный буксирный пароход «ИП-22», типа «Бурлак») заканчивает подготовку к переходу на Дунай после ремонта в Николаеве.

Что такое флотская душа? Загадка! Прошло буквально несколько мгновений и пришлось втянуться в знакомую социальную роль: моряк, он и есть моряк, даже если служит на реке. Тем более, что свой свояка видит издалека. Несколько наводящих на беседу вопросов и высказываний – и информация потекла рекой. Мне осталось только поддакивать и прислушиваться.

Подшивки газет также не остались без внимания, и вот уже в палате к нашей компании присоединился Крылов, с жаром обсуждая последние новости из жизни страны.

Далее, как обычно, перешли к женщинам, и тут узнаю, что мне передавала привет бывшая жена (Ирина), а дочь Юлия уже в садик пошла. Кручинин, как и я, оказывается выпускник военно-морского училища им. М. Фрунзе.

Наши бывшие – жены морских офицеров, тоже из Ленинграда. Как и большинство жен молодых военморов, после жизни в городе столичного уровня, они быстро потеряли интерес к пропадающим на кораблях мужьям. Жизнь в Ленинграде и на какой-то там базе (в лучшем случае флотилии) явно не сравнимы. Проходит год, и треть жен молодых офицеров возвращаются домой, дети – не проблема. Ведь в столичном городе еще достаточно перспективных женихов. Проходит еще пара лет, и только одна из двух молодых офицерских жен окончательно связывает свою жизнь с офицером плавсостава. Вновь в жизни изредка бывающих на берегу офицеров появляются жены, которые также сталкиваются с действительностью – муж дома, как в гостях. Корабль в базе, все равно каждый третий день – старший на корабле или в наряде, или вдруг среди ночи прибежит оповеститель.

Еще не успели меня покинуть мои сослуживцы, как в палату нагрянул командир ремонтирующегося буксира «ИП-22», старлей Сергеев, со своим механиком Славой Пшеничным. Для вновь пришедших я также был своего рода старым знакомым, поэтому с их стороны было естественно начать шумно обсуждать последние новости.

Обычно, когда корабли собираются в базе, остающиеся на кораблях офицеры и старшины устраивают посиделки с традиционным грузинским чаем (чай заваривают так, чтобы через стакан в подстаканнике не был видим свет в иллюминаторе) на каком-либо из кораблей в кают-компании. На стол выставляется «халява» (жареная картошка). И только необходимые обходы и прием докладов об обходах прерывают общение собравшихся.

В общем, к концу вечера в моей палате появились все наши офицеры и старшины, откомандированные с флотилии в Николаев. Ведь завод и госпиталь находятся недалеко. Не оказались в стороне и лечащиеся в госпитале. Одно из самых главных лечащих средств – водочка с закусочкой – также оказалось каким-то образом в палате. Так, в тихой и спокойной обстановке, прошло мое личное вхождение в родной коллектив.

На следующий день, 13 ноября, к десяти утра Нечипайло и Кручинин уже вновь были у меня в палате для инструктажа по моим заданиям. Грипп лечится за пять суток, а вот его осложнения можно лечить всю жизнь. Поэтому я не видел никаких причин задерживаться в госпитале. Да и ноябрь – последний месяц осени, еще немного – и в Днепро-Бугский лиман придет лед. Поэтому канлодка и самоходная баржа снабжения флотилии должны по плану выйти из Николаева ранним утром шестнадцатого.

Так как Измаил и Рени – места базирования флотилии – сравнительно малые городки и что-либо там найти будет затруднительно, то я решил за оставшиеся трое суток набрать на складах возможный дефицит. В частности, обычные ватман и калька, для изготовления и размножения чертежей, – огромный дефицит. А где можно найти зенитный прожектор, если не на складах флотского уровня. Даже на таких складах – это тоже дефицит, но ведь если подумать, то прожектор из комплектации броненосца «Потемкин» тоже может светить будь здоров, и теперь – никому не нужен. Также не мешает узнать, а есть ли на складах транспортирующие 7.62-миллиметровые винтовочные боеприпасы. А то ведь, насколько помнится, наши деды в начале великой войны стреляли из зенитных максимовских спарок обычными пулями. Если есть, то надо набрать для флотилии и своего корабля побольше, благо баржа снабжения пойдет вместе с канлодкой.

В свое время мне пришлось изучать доступные источники информации по применению артиллерийских кораблей в Великую Отечественную войну и по противовоздушной обороне кораблей. Оказывается, что из пяти мониторов Дунайской флотилии только один – «Железняков» – прошел всю войну. Остальные вошли в число боевых потерь. Монитор «Ударный» погиб в бою у Кинбурнской косы, под атаками пикирующих бомбардировщиков, вместе с ним погибло и большинство экипажа, во главе с командиром. Получается, что если ничего не сделаю, то и жить осталось в этом мире – менее года. А у меня, оказывается, и дочь есть в будущем осажденном Ленинграде.

Пока не поздно, надо срочно заняться увеличением шансов на выживание в этом мире.

Выписка из госпиталя не заставила себя ждать Вячеслава Викторовича, испанка давно прошла. Больной после осложнений пришел в себя, а ежевечерние посиделки устраивать в отделении нет нужды. Тем более больной сам рвется из госпиталя. Осталось осложнение – пациент жалуется на яркий свет, ничего страшного, так бывает. Выпишем ему солнцезащитные очки и порекомендуем оздоровительных суток десять. А через несколько месяцев все и пройдет. Таким образом, после обеда я уже начал собираться выйти в незнакомый мир.

Мир-то знакомый, но явно отличающийся планировкой и архитектурой города, нравами и образом жизни людей. Но все не так уж и плохо – в СССР я родился, учился и даже служил. Присягал, погоны и звания получил не во времена Сталина, а в период Афганской войны, но под все тем же бело-синим стягом, а флотские традиции и форма имеют преемственность еще с царских времен.

Открываю шкаф с формой и начинаю разбираться. Погон нет, петлиц тоже, знаки различия только на рукавах – знакомые две средние золотистые полосы, над ними звезда – не золотая, а красная, но с золотым кантом. Подворотничок на кителе несвежий, ничего, сейчас найдем где-нибудь белую ткань и перешьем. На кителе – серебряные знаки за отличную артиллерийскую стрельбу двух видов, отличник ВМФ и отличную артиллерийскую подготовку. Черная фуражка без всяких «аэродромов» или «балтийских плевков», в наше время сказали бы, что это фуражка партизана. Ничего, я как выпускник калининградской (теперь балтийской) системы флотского образования, подгоню свои фуражку, со временем, под наш канон – небольшой аэродромчик. А вот ткань на брюках кажется другая, и никаких пошивов по фигуре. Оделся, вроде все сидит как надо, но привычка носить все приталенное и облегающее явно чувствуется. В этом времени все одеваются в одежду и форму слегка мешковатого вида. Туфли со шнурками, не наши на резинках.

Оделся – смотрю на реакцию соседа.

– Ну как я тебе? Как думаешь, не похудел часом или что еще?

Сейчас ответственный момент. Он и я – оба флотские, только он из этого времени, а я – из более позднего. Он со мной уже двое суток в одной палате – для меня сейчас главный проверяющий.

– Та не, шик-модерн, хоть сейчас в клуб на танцы к девчонкам.

В кармане обнаруживаю удостоверение личности на имя старшего лейтенанта Прохорова Ивана Александровича, с печатью и подписью начальника штаба. Пропуск на завод – круглосуточный, действителен до 30 ноября. Партийный билет с моей фотографией и надписью «ВСЕСОЮЗНАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ (большевиков)» – в графе уплаты членских взносов никаких записей, наверное, так и должно быть. Насколько я знаю, терять партбилет никак нельзя. В свое время я дважды вступал в партию, но так и не вступил. Ну, не те руководители парторганизаций были – они-то как раз первые от партии и отказались, а скольким жизнь пытались испортить.

Нашел утюг, нитки с иголкой и белую ткань, погладил брюки и подшил подворотничок, заново оделся, навел лоск на ботинки.

Забрал продаттестат, попрощался с соседями и медиками, и вот я в городе. Наш борт стоит в заводском затоне рядом с плавучей казармой, там и моя команда. По идее, я дорогу знаю, поэтому пытаюсь самостоятельно пройти на завод.

Подошел к проходной. Постоял немного. А как только увидел небольшую группу входящих, пристроился следом, зажав в одной руке пропуск, а в другой – удостоверение. Обычная перегородка с калиткой, рядом с которой стоят двое с нарукавными повязками в обычной одежде. Видимо, моя форма – уже сама по себе пропуск. Никто не смотрит на удостоверение – получаю отмашку, дескать – проходи.

На территории завода неторопливо начинаю спускаться к берегу Ингула, а там уже видна характерная несамоходная баржа плавучей казармы с буксиром, пришвартованным кормой к пирсу. Колесный пароход с характерной надстройкой гребных колес посередине спутать с винтовым плавсредством затруднительно.

Неторопливо подхожу к вахтенному на юте «ИП-22», останавливаюсь у сходни.

– Старший лейтенант Прохоров. Вахтенный, вызовите дежурного, – давая указание, отдаю символическую честь, быстро прикладывая руку к фуражке.

– Есть. – Вахтенный тоже отдает честь и нажимает кнопку вызова. Слышу два звонка.

Через несколько мгновений открывается дверь надстройки и появляется придерживающий бескозырку старшина; красная звездочка с золотистым кантом и две узкие короткие золотистые полосы галуна показывают, что ко мне вышел старшина второй статьи (это если по нашему времени). Сошел со сходни и представился:

– Дежурный по судну старшина первой статьи Петренко.

Выслушиваю доклад, приложив руку к фуражке, а по окончании доклада здороваюсь, пожимая руку дежурного. Да, в званиях старшин я пока хромаю.

– Старшина, здравствуйте. Кто из командования на борту. Особенно меня интересуют старшина Нечипайло и старший лейтенант Кручинин. Где сейчас команда из экипажа пополнения?

Поворачиваюсь к старшине боком и начинаю движение вдоль пирса. Дежурный вынужденно сопровождает меня. Так как я буду старшим на переходе нескольких кораблей из Николаева в Измаил, то мои вопросы должны быть естественны. Внешне Прохоров остался без изменений, а краснофлотцы уровня старшин отнюдь не часто общаются со всеми

офицерами флотилии. Мои вопросы прибывшего из госпиталя начальника вполне должны быть естественными.

Боковым зрением стараюсь смотреть на вход и выход на корабли матросов. Так – честь флагу отдают. Значит, мой вход и выход с буксира будет вполне естествен.

– Командир и механик сошли с буксира, а помощник лейтенант Кротов в каюте. Старшина Нечипайло в трюме баржи с пополнением, а старшего лейтенанта Кручинина на борту нет.

Постояв немного на пирсе и посмотрев вдоль борта буксира, начинаю движение к сходням. У сходней останавливаюсь.

– Сейчас проведите меня в каюту к Кротову и пошлите кого-нибудь за старшиной Нечипайло. Скажите, что я его вызываю к помощнику.

Движением руки пропускаю вперед старшину, дождавшись, когда его нога сойдет со сходни, начинаю движение за ним, отдавая честь корабельному флагу. Зайдя на ют, останавливаюсь и дожидаясь начала движения дежурного. Далее следую за ним. Проходим коридор и оказываемся внутри большого отсека, в центре которого огражденная леерами, своего рода прямоугольная яма, из глубины которой поднимаются огромные рычаги и диски маховиков, задающих вращение гребным колесам. Такое ощущение, что находишься внутри огромного часового механизма.

Вчера я уточнил у Сергеева, как дела с моей каютой (никаких ключей в своей форме я не нашел), а так как на переходе в Измаил я буду на его корабле с командой призывников, то соответственно меня должны будут где-то разместить. Нет отдельной каюты, тогда разместят в его каюте или как минимум в каюте помощника. Если у меня есть каюта на плавказарме, то по идее старшина Нечипайло должен знать, где она находится.

Проходим вдоль поручней ограждения механизмов движителя, дежурный останавливается возле дверей одной из кают, стучит, при открытии дверей каюты Кротовым представляется и оповещает о моем прибытии.

– Игорь Александрович, заходите, – получаю приглашение зайти в каюту от Кротова.

– Дежурный, жду тебя сейчас с Нечипайло здесь, – напоминаю дежурному о вызове старшины и его необходимости присутствия после вызова. Мне еще с собственной каютой разобраться надо. Мало ли что.

– Иван Александрович, ну что, вы уже выздоровели?

– Еще буду под наблюдением у нас несколько недель. А так в принципе да, все равно через двое суток уходить нам надо. Ты как, к переходу готов? Еще что-то надо дополучать?

– Вроде все получили. Топливо загрузим завтра. Кручинин в порту встречает пополнение. Помощник и боцман в тылу, продукты на переход получает. Командир согласовывает план перехода у оперативного дежурного.

– Хорошо, а как с каютой и где разместились мои командиры?

– Вашу каюту я вам сейчас открою, Кручинина я пригласил к себе, ну а старшина с нашими старшинами как был, так и остался.

– Хорошо, открывай мне каюту.

– Сейчас подождите, возьму ключи.

Берет ключи из ключевого ящичка и открывает каюту далее по периметру. В этот момент подходят старшины, и я выслушиваю доклад Нечипайлы. Заскочив в открытую каюту с табличкой «Командир», Кротов идет и открывает мне каюту по другому борту. Со старшинами следую за офицером и захожу в каюту.

Сейчас надо срочно определиться, это моя старая каюта или новая, а моя старая находится на плавказарме, тогда надо еще организовывать мое появление на ПКЗ. Там я не свой, и просить проводить в собственную каюту – отнюдь не естественно.

С другой стороны, как офицер плавсостава я вряд ли бы поселился на ПКЗ, плавающие офицеры селятся обычно во время навигации на кораблях и судах, находящихся в кампании, чтобы не уменьшать ценз и не терять корабельные (деньги надбавки).

– Присаживайтесь, – указываю старшинам на заправленную постелью полку койки. Пока они присаживаются, я открываю дверцу шкафа – рундука и вижу висящие на плечиках китель и брюки. На кителе старлеевские нашивки. На полочке для головных уборов лежат стопкой две рубашки.

На крючке висит пистолетная перевязь. Рука трогает оттягивающуюся кобуру. Там чувствуется вес оружия. Крючок напротив – удерживает обычный командирский планшет. Открываю его и вижу – пара тетрадок, карандаши, пенал с письменными принадлежностями, паста «гой», опасная бритва, зеркальце и расческа. Пузырек с чернилами. Во втором отделении вижу пачку денежных купюр.

Кажется весь джентльменский набор командированного офицера.

Скидываю китель и майку, надеваю рубашку, галстук и китель – это моя форма. Вздыхаю с облегчением. Никаких эпопей с путешествиями внутри плавказармы не предвидится.

– Петренко я только из госпиталя, и думаю, что душ мне не помешает. У нас как, пар можно организовать, или мне ждать, пока не пойдем на выход?

– Товарищ командир, будет через полчаса. Я сейчас трюмному скажу.

– Ну как будет готов, так пусть трюмный и доложит.

Дежурный убегает, а я остаюсь наедине с Нечипайло. Достая из планшетки деньги и рассматриваю их. По идее, у меня должно быть порядочно денег. Еще как-то надо будет отчитываться за командировку. Нахожу командировочные листы в военкомат и на завод.

Наверное, чего-то не хватает, где списки призывников?

– Старшина. А где списки нашей команды? И вообще, что из документов у нас есть. Давай, пока я приму душ, ты разберешься с бумагами, организуешь, если можно, чайку в каюту, а потом разберемся вместе с нашими бойцами. Когда Кручинин с людьми должен быть? Как ты думаешь?

– Вони вже мають десь зараз й прибути. Пароход до порту, о 13-ї годині має прийти був.

– А как с питанием для них? На ужин кок для них рассчитывает?

– Оце так діло, а й я забув. Зараз коку накажу, щоб ще на дюжину хлопців їжу зготував.

– Ну, я пока душ приму, а ты давай к коку сходи и документы приготовь. После ужина, часов в двадцать, бойцов давай на пирсе построим, я с людьми поздороваюсь, на пополнение посмотрим. Если Кручинин появится, его тоже ко мне зови.

Часть первая
Переход

Глава 1

Переход

Мерно шлепают огромные колеса, толкая вниз по каналу буксир. Осенний ветерок нагоняет мелкую волну, не разбивая гребешки до пены. От бортов судна, в брызгах, возникающих от бьющих по воде деревянных лопастей, гребных колес, рождаются две белые полосы вспененной воды, собирающиеся метрах в пятидесяти за кормой кучей больших белых пузырьков, склеившихся друг с другом и постепенно теряющихся вдаль.

Буксир тащит за собой большую, глубоко просевшую в воду, баржу снабжения.

За кормой виден периодически исчезающий в воде буксирный трос, широкий нос баржи с низкими бортами (явно не баржа река – море нашего времени), над которыми виднеются закрепленные на верхней палубе новенькие, окрашенные в зеленый цвет, «эмка» и «полуторка». Маленькая рубка рулевого баржи, скорее, похожа на установленную на палубе будку охранника какого-то предприятия. Только небольшая мачта над рубкой с гордо реющим на ветру маленьким флажком указывают на специфику надстройки.

Наша пара судов, идущих вниз по течению Днепро-Бугского канала, резво, с началом предрассветных сумерек, покинула акваторию завода и миновала разведенную для нас Николаевскую паромную переправу.

Последние двое суток были своего рода забегом на длинную дистанцию. Времени катастрофически не хватало, эту ночь я спал от силы полчаса. Множество выпитых стаканов крутого чая заменяло привычные чашечки горького кофе.

Говорят, что «чифир» пришел в привычные напитки из мест, не столь отдаленных, – из тюрем, проще говоря. А вот мне не верится. Скажите, в стране, где кофе во все времена завозилось из государств, которые находились за своего рода железным занавесом, и за валюту, – может ли быть любимым кофейный напиток. Нет, и ещё раз нет. Кофе даже в конце Союза был настоящим дефицитом. Зато грузинского чая было море. Вот и пили везде чай. Четверть пятидесятиграммовой пачки на стакан, залитые кипятком, через несколько минут превращаются в тягучий и горький напиток, от которого не то что желудок сворачивается – в глазах спички виртуальные появляются.

Вот такой напиток всегда был главным тонизирующим средством на вахте и ходовом мостике.

Наконец мы отходим от заводского пирса. Трижды прокричала сирена буксира, краснофлотцы буксира выбрали концы. Отдававший на пирсе швартовы матрос запрыгнул на палубу. Пароход медленно отходит от пирса, подхватываемый только течением Ингула. Провернулись гребные колеса, отталкивая ют далее от пирса. Пароход начал медленно заваливаться носом по течению. За кормой уходит в воду буксирный трос, словно змея поднимающийся на борт из воды соседней баржи. Буксир развернулся по течению. Вновь закрутились мощные гребные колеса, корпус задрожал словно живой, будто огромный кит начал движение. С брызгами, как струна, выскочил из воды натянувшийся буксирный трос и дернул за собой баржу. Буксир чуть замешкался на месте и потянул за собой судно. Переход начался.

Любой командир корабля или капитан знает, насколько непредсказуемыми бывают любые переходы. Поломки, затопления и пожары – частые гости любого выхода.

Моя первая и главная обязанность, как старшего на переходе, – обойти судно, на котором

нахожусь. И не важно, что я это уже делал в первую же ночь, как ступил на борт. Теперь переход, и этим все сказано.

Начинаю с юта. При буксировке на юте, с которого в сторону баржи протянулся толщиной почти в мою руку манильский трос, никого, кроме допущенных, не должно быть. Сигнальщик, с надстройки постоянно оборачиваясь, контролирует мои перемещения на опасном участке буксира. Я тоже смотрю за ним, а наблюдает ли он за буксиром.

Далее с юта захожу в надстройку и оказываюсь внутри отсека механизмов движителей гребных колес. Остановившись у начищенных до золотого блеска поручней ограждения, смотрю на мерное движение огромных рычагов и колес маятников колесного движителя. Словно железный монстр шевелится в глубине отсека. Вокруг чистота и порядок, рядом с блестящими воронеными, обильно смазанными механизмами соседствуют надраенные латунные детали и белоснежная окраска стен.

Спускаюсь по трапу в глубь отсека механизмов и открываю дверь в машинное отделение.

Здесь царствует механик и машинный телеграф, звонки которого обращают внимание на изменение хода машины. Механик сидит за небольшим столиком, перед которым висит разрез буксира. Справа от него на переборке, словно головы змей, с потолка подходят переговорные трубопроводы. Широкий загубник и металлический свисток служат для переговоров и вызова на прием команд и сообщений. Три переговорные трубы обеспечивают связь с рубкой, кочегаркой и ахтерпиком, в котором размещена рулевая машина.

Слева от переговорных труб у машинного телеграфа сидит моторист. Сидит – это символически. Слышится звонок машинного телеграфа, и моторист, только что проверяющий какой-то манометр, подбегает к телеграфу, переставляя в соответствующее положение ответные стрелки, далее подбегает к переборке за спиной и двигает один из рычагов. Машина изменяет тональность оборотов. Несколько постукиваний по стеклу манометра, и он уже подбегает к свистящей переговорной трубе с мостиком. Вынимает свисток и прислушивается к замечаниям капитана – о медлительности изменения оборотов. Обычная работа машинного отделения.

Дверь из машинного отделения далее ведет в котельное отделение – кочегарку, отсюда доносится лязг дверки топки. Раньше этот пароход в своих топках сжигал уголь, превращая работу кочегаров в каторгу, теперь уголь сменен на мазут, но в кочегарке все равно – как в аду.

Из щелей дверцы топки рдеет красный свет. Заходя, вижу, как кочегар открывает дверцу топки и смотрит на пламя горелки. В топке бушует белое пламя, гул горения форсунок похож на гул взлетающего реактивного самолета. Из дверцы печи обдает жаром, чувствующимся даже в нескольких метрах от нее. Кочегар, посмотрев в топку, сразу же отвернул лицо в сторону, чтобы не обжечь глаза. Закрыв дверцу, автоматически смотрит на стрелку манометра. Висящий на веревке чайник с водой выполняет функцию небольшого душа, ополоснувшего лицо и оголенный торс кочегара. Падающая на деревянную решетку рыбин вода почти мгновенно начинает парить. Еще одно рассчитанное движение, и матрос оказался у решетки вентиляционной трубы – самое прохладное место в кочегарке. Сидевший ранее там молодой трюмный поднялся с деревянной скамейки, подхватил чайник и тут же наполнил его из крана пожарной системы.

Тело не остается безучастным к жаре и выделяет потоки пота. Майка под кителем мгновенно становится мокрой. Несколько шагов обхода по кочегарке, и я с поспешностью покидаю сердце корабля. Далее, идя наверх, забегаю в каюту переодеться. Осенняя погода и

ходовой ветер не жалеют людей, не следящих за своим здоровьем.

Переодевшись и утеплившись, поднимаюсь в капитанскую рубку – царство старого уже, с седой головой капитана буксира – старшего лейтенанта Сергеева (его уместнее называть Иванычем – так к нему все и обращаются).

Иваныч, надевший на себя брезентовый плащ, стоит у левого ограждения рубки, внутри которой рулевой крутит вправо и влево огромное деревянное рулевое колесо.

Ходовой мостик представляет собой огороженную леерным ограждением площадку. На леера натянуто узкое и длинное брезентовое полотнище, защищающее нижнюю часть тела от продувания ходовым ветром и брызг.

В рубке, на витых крючках, висят три брезентовых плаща. Надеваю один плащ, смотрю на показания магнитного компаса, ход машинного телеграфа и створную обстановку канала. Выхожу на мостик к Иванычу. Наверху на рубке несет вахту сигнальщик. В это время матросы служат даже не годами, а почти пятилетками и относятся к службе не спустя рукава.

Молча пристраиваюсь на деревянной банкетке, рядом с капитаном, и рассматриваю береговую обстановку. Ходовой ветерок движущегося со скоростью 10 километров в час (почти пять узлов) буксира приятно обдувает лицо – это вам не машинное отделение. Спокойствие и уверенность в себе царит на мостике.

Так, под мерное шлепанье по воде гребных колес, началось мое следование к пункту назначения – к дунайской жемчужине, городу Измаилу.

Спустя час завтрак в кают-компании собрал всех офицеров и старшин за общим столом. На переходах построений по подъему флага не производят, поэтому все временно приписанные к судну пассажиры могут себе позволить расслабиться, посидеть после приема пищи за общим столом и поговорить на общие темы.

Самая интересная тема, объединяющая всех и вся, – это международные новости. Буквально каждую неделю за границей огромной страны что-то происходит. Больше года в Европе, Африке, Китае и на Тихом океане идет война.

Раньше взгляды населения всей страны были прикованы к новостям из Испании, потом из Китая и Монголии, где было огромное количество наших военных, в роли советников или даже участников боевых действий. К примеру, в республиканских портах, среди черноволосых и смуглых средиземноморцев мог оказаться испанец Педро (Петр, по-нашему) с голубыми глазами и белокурой шевелюрой истинного русака. Сколько водителей грузовиков в 1937–1938 годах колесили по китайским дорогам, которые своим малорусским выговором ставили в неловкость переводчиков? Что же это за слова такие в русском языке – «віддати» или «розумієш»? Малороссы, общаясь друг с другом, эти слова даже не замечают, а в словаре их нет.

Газеты наполнены репортажами о победах китайских коммунистов в войне с японцами – в битве ста полков, сообщениями о налетах немецких пикировщиков на города и корабли Англии.

Ненавязчиво обращаю внимание Петра и остальных присутствующих на авиацию немцев.

– Павел, а ты обратил внимание – чем немцы воюют?

– Так это и так видно – подводные лодки и бомбардировщики, – высказался Нечипайло.

– Немцы используют пикирующие бомбардировщики Ю-87 с какими-то сиренами – в газете написали, по Ю-87 и Ю-88 пришло оповещение с их тактико-техническими данными.

– Ю-87 – очень медленный, скорость 275 километров в час и всего с одной бомбой, его

даже «Чайки» нашего капитана Коробицына запросто собьют, а вот Ю-88 имеет скорость 450 километров в час и несет аж четыре бомбы. Такой самолет наши бипланы – И-15бис и И-153 с их скоростью 380 километров в час – даже не догонят. Только Ю-88 не пикирующий, а обычный бомбардировщик – типа нашего СБ, – наконец сказал свое слово Павел.

– А что у румын есть? – продолжаю я расспрашивать.

– У них истребители PZL P.11 со скоростью 390 километров в час, аналоги польских P.24, и на их же базе построенные легкие бомбардировщики IAR 37. Эти машины немного уступают нашим «Чайкам» в скорости, монопланы и имеют, как и у Ю-87, не убираемые колеса в обтекателях.

– Подожди, а нормальные, типа «юнкерсов», бомбардировщики у них есть?

– На совместных занятиях капитан Шило (командир истребителей) говорил, что на аэродроме Фокшаны, у границы, стоят только истребители и разведчики. В Будапеште есть даже бывшие польские «Лоси» – бомбардировщики типа нашего скоростного СБ, у них теперь тридцать самолётов P.37. Нашим «Чайкам» трудно придется, если с ними встретятся.

– Все это так, одно непонятно, а вот почему немцы на таких тихоходных восемьдесят седьмых «юнкерсах» воюют, и англичане ничего с ними поделать не могут? Англичане, до них поляки с французами, что все дураками были и к войне не готовились? Или пушки и пулеметы у них хуже немецких.

– Опыта много набрались, воюют уже больше года. Вот и бьют всех в хвост да гриву, – добавил механик Слава.

– А ты, Павел, что скажешь? Ты же у нас главный по противовоздушной обороне на корабле! – пытаюсь заставить подумать своего подчиненного. Мне в ближайшем будущем нужен не просто исполнитель и подчиненный, а настоящий сподвижник.

– Так тут и так все понятно: они же пикирующие бомбардировщики. Значит, атакуют настолько хорошо, что одна бомба сброшена и сразу попадание. Им главное – эту бомбу сбросить, а потом, когда отбомбились, они уже никому не нужны. Истребители врага за другими гонятся, чтобы бомбардировку не допустить.

– А чем же пикирование отличается от обычной бомбардировки? – задаю опять Павлу вопрос.

– Это когда бомбы кидают не с горизонтального полета. Мы стреляем по конусу, буксируемому за У-2, изображающем горизонтально летящий бомбардировщик. Слово он там кого-то атакует, а мы его обстреливаем сбоку.

– Летчик наводит свой самолет на цель, разгоняет его до максимальной скорости в пикировании и отпускает бомбу, которая потом летит почти по траектории прежнего движения самолета. В момент отпускания бомбы летчик уводит самолет в сторону. Только для этого ему надо подняться повыше и зайти в пике на цель.

– Молодец, Павел, ты правильно сказал. Правда, есть еще один вопрос. Если все так просто, то почему англичане ничего с этими самолетами сделать не могут. Ведь у капиталистов оружия и пулеметов, и пушек зенитных тоже много.

– Не знаю, Иван Александрович, надо с нашими летчиками поговорить и посоветоваться.

– Вот придем в базу, с делами разберемся и съездим к ястребкам. А пока я был в госпитале, в газете нашел статью, где говорится, как немцы пикировали на Лондон.

Читаю выдержку из газетной статьи:

— «...летящая в небе девятка самолетов, километрах в пяти от земли, еле заметная в вышине, образовала в воздухе круг. Ведущий самолет с переворотом через правое крыло вышел из карусели, постепенно ускоряясь с жутким ревом, начал падать к земле. Бомбардировщик, стремительно увеличиваясь в размерах, по наклонной устремился к цели — баржа на Темзе. Когда стали хорошо различимы обтекатели неубирающихся колес, самолет, выбросив бомбу, стрелой устремившейся к цели, словно по дуге огромной окружности начал выходить из падения. „Юнкерс“ почти у самой поверхности реки вышел из падения, а брошенная им бомба, попав в баржу, за одно мгновение скрыла судно с речной поверхности...

Вокруг кружащихся в небе самолетов встают и опадают разрывы зенитных снарядов, а те продолжают свой хоровод, сбрасывая из своего круга летящих друг за другом хищников. Словно заговоренные летят они к земле, сопровождаемые трассерами очередей зениток, обгоняя несущуюся к ним опасность. Наконец неожиданно, словно случайно, на предпоследнем летящем к земле самолете сошлись трассы зенитчиков. Вспышка пламени бросила к земле горящие обломки...»

— То вони їх все ж збивають, — вымолвил Нечипайло.

— Да вот так и сбивают — неожиданно!!! — добавил свой голос Слава.

— Вот вы смеетесь, а тут смотрите: один вылет, одна атака, одна цель — мгновенная победа. Если в наш корабль такая бомба попадет — нам тоже не сладко будет, — задумчиво произнес Петр.

— Да ты посмотри, сколько по немчуре стреляло. Пушки и автоматы зенитные, пулеметы, как наши, наверное, а только один из девяти самолетов сбили, — продолжил свои мысли Павел.

— Правильно, Павел. Трудно будет их сбивать. Да и мы-то когда их сбить сможем? Только когда они у земли. А они уже бомбы-то и сбросили. Вот в чем проблема.

— А как это пушки их сбить не могут, там же у них приборы специальные есть? — задал вопрос старшина с буксира.

— Непонятно. Надо будет у наших зенитчиков спросить. Из 46-го дивизиона, у Шило или Кашинина, — заметил нерешительно Петр.

— Тут я могу помочь. Современные приборы управления стрельбой используют векторные прицелы, которые считают, что самолет летит... с какой, Павел, скоростью?

— Постоянной.

— Правильно. А пикировщики на цель, что делают?

— Падают, — вставил свое слово Нечипайло.

— Правильно — падают на цель, с постоянным ускорением. Когда самолет на высоте пяти километров, он летит со скоростью 280 километров в час, а когда бомбу сбрасывает, у него уже скорость увеличится, раза в два больше станет, наверное. Надо у наших ястребков будет уточнить, — вот так объяснил я простую истину окружающим. — Получается, «юнкеры» все время как бы обгоняют зенитчиков противника. Зенитчики ставят скорость триста, а пикировщики уже разогнались до трехсот пятидесяти. Вот трасса сзади или ниже их и летит. Зенитчик увидел, что трасса прошла мимо, поставил скорость четыреста, а самолет уже пятьсот километров в час набрал. И вновь очередь пойдет мимо — опять не успеет. Вот и

получается, чтобы попасть, надо надеяться на случай или новые правила стрельбы придумать. – Объясняю в первую очередь своему артиллеристу, вдалбливая необходимость думать по-новому.

– А що тут думати, треба траси кулеметов зводити. То як на муху у галюні хлопці дзюрчали. Сидоров аж штанці замочив, тепер картоплю на камбузі чистить. Нехай тренується, – внонь видав Нечипайло.

Вся кают-компания сотряслась от хохота. Я смеялся не меньше. И главное – мой старшина настолько просто определил главное правило стрельбы по низколетящей скоростной цели: наведение очереди на цель непрерывной трассы.

В нашей реальности, через несколько десятков лет в арабо-израильском конфликте скорострельные автоматические пушки, стреляя непрерывной очередью и ориентируясь по собственным трассерам, наконец создадут условия для невозможности атак пикировщиков на морские цели. Догоняющая или встречающая трасса, длинной очереди, заставит авиаторов создать новую тактику нападения, удалив из тактических расчетов целый класс самолетов. На смену пикировщику придет управляемая авиационная бомба и ракета воздух-земля.

– Я так понял, что наш старшина предлагает стрелять по пикировщикам не только с помощью прицела, а еще и совмещая очередь трассы с целью, словно догоняя ее или упреждая. Правильно? – спрашиваю я.

– Так это ж, сколько патронов потратить придется и еще каждый второй патрон с трассером должен быть. Да и цель такую еще придумать надо, это же не по конусу стрелять. – В Петре я, кажется, не ошибся, думающий у меня артиллерист.

– Надо стрелять по падающей цели – по сигнальной ракете к примеру. А очереди по ней наводить.

– Так в нее никто не попадет, как стрельбу будем оценивать. – Петр грамотно оценивает организационные вопросы стрельб.

– А как стреляем по невидимой цели? Попали в квадрат сто на сто, есть воронка, значит, засчитываем попадание. Так и тут. Несколько наблюдателей смотрят и говорят – очередь догнала ракету или нет.

– Да, так, наверное, можно оценить стрельбу, – соглашается Петр. – А как будем тренировать комендоров. Прежде чем стрелять, надо же еще на чем-то тренироваться. – Внонь показывает профессионализм мой подчиненный.

– Пикировщик имитировать можно. Протянем от мачты к юту выброску, тросик, на него подвесим грузило, по форме напоминающее самолет. Сигнальщик отпускает макет, а тот, ускоряясь, падает вдоль выброски. Наводчики макет сопровождают и имитируют стрельбу.

– А как проверять будем? Все сразу доложат, что попали и сопровождали.

– Ничего. Во-первых, сигнальщик с помощью лески сможет макет притормаживать или останавливать. На остановленный макет комендор наводит ракурсный кольцевой прицел, а ты или я всегда сможем, заняв его место, убедиться в правильности прицеливания. Как думаешь, должно получиться?

– Такое возможно. А как проверить, как цель сопровождают?

– А туючки вже будемо робити по-нечипайловськи – дзюрчати.

Снова хохот сотряс кают-компанию.

– Что, мух гонять? Всем экипажем?

Хохот повторяется.

– Та шо цэ ви хлопці. Товарищу командире, тож я шуткував.

Кают-компания продолжает сотрясаться от смеха.

– Та ни, Нечипайло, не дзюрчати. – От смеха трудно говорить. – Сделаем, используя пожарную систему, несколько тонких рукавов и стволиков, как у пожарных стволов. Прикрутим их к блоку стволов пулеметных установок, и комендоры будут струей воды стремиться сопровождать макет цели. Так и получится – имитация непрерывной трассы. Но способ стрельбы теперь уж все равно останется нечипайловским дзюрчанням.

Вновь дружеский смех и похлопывания старшины по спине от участвующих в разговоре наполнил помещение. Да, такое не забывается. Думаю, что не пройдет и двух дней, а слух о сути нового способа стрельбы, с комментариями, разойдется по флотилии.

– Только этого все равно мало. Есть еще одна проблема, если смотреть по нашему кораблю конкретно, – пытаюсь довести до Петра еще одно понимание. – Вот скажи, артиллерист, на какой дистанции наши зенитные средства могут поражать самолеты с металлическим, а не деревянным корпусом?

– Винтовочная пуля до полутора километров сохраняет убойную силу, а пробивает самолетный корпус до восьмисот метров, а если есть бронирование, то и на пятьсот метров может ничего не сделать, – ответил Павел. Мимика его лица, после собственного высказывания, показала его собственное удивление по узнаванию моего следующего вопроса и его ответа на него.

Учат морских офицеров хоть и не по конкретной специальности. Все выпускаются в это время вахтенными офицерами. Деления на профильные факультеты еще нет. Учат всему – штурмании и артиллерии, минам и судостроению, еще и общеобразовательные факультативы на самом высшем уровне.

– Иван Александрович, я понял, что вы хотите сказать. Получается, что на высоту пять километров мы стрелять не можем, а когда они бросят бомбу – уже будет поздно. Наши пулеметы будут стрелять, слишком малый период времени – с 800 метров до 400 метров самолет будет лететь секунды четыре-пять, за это время пулеметчики всего по пятьдесят патронов успеют выстрелить.

– Вот видишь, теперь ты понял, отчего я пришел в волнение, прочитав и осмыслив эту статью. Фактически наш корабль беззащитен перед «юнкерсами». Думаю, придется срочно заняться усилением нашей подготовки, экипажа и корабля, к борьбе с таким противником, – объяснил я свое беспокойство.

– Получается, кораблю надо получить такие зенитные пушки и пулеметы, которые позволят стрелять дальше, дольше и эффективнее. Наши 45-миллиметровые башни теперь тоже не эффективны, ведь они заряжаются одиночными выстрелами, а не кассетами, как современные зенитки. Так что же будем делать? – заволновался Петр.

– А вот это уже другой вопрос, и пока здесь он обсуждению не подлежит. Придем в базу, там и уточним планы. Посоветуемся с зенитчиками и истребителями, начальником ПВО флотилии, доложим предложения командованию. А там видно будет.

Мой трехсуточный марафон по складам тыла флота, магазинам города и бессонные ночи остались позади, теперь можно позволить себе отдохнуть и собраться с мыслями, подвести итоги почти недельного пребывания в этой реальности. Сам факт моего появления здесь уже должен к чему-то привести. Не думаю, что это мое прошлое, так как я не собираюсь через несколько месяцев оставаться безучастным к своей гибели и еще пятидесяти пяти членов

экипажа. Мои знания остались со мной. Так или иначе, а кое-какие знания и приемы будущего уже сейчас можно провести в жизнь. Нет необходимости в целом годе боевых действий и гибели кораблей с экипажами, чтобы получить нужные знания и опыт.

Через семь месяцев развернутся такие события, которые спишут все мои николаевские аферы. После потери Николаева архивные данные всего, что взято со складов флота и города, затеряются или будут уничтожены. Да самые настоящие аферы.

В этом времени еще нет того уровня коррупции и учета конца существования Союза. Скорость движения документации и средства связи не позволяют мгновенно уточнять вопросы типа «а имеет ли проситель с документами и печатью право на получение чего-либо». Тем более меня в Николаев и послали для того, чтобы я на месте мог получить что-то из имущества на складах и сразу же заверить документы круглой печатью.

Корабль третьего ранга, а монитор из их числа, имеет право юридического представительства своего государства. Для этого каждый корабль третьего ранга и выше имеет комплект печатей – начиная от круглой гербовой печати с собственным номером войсковой части и кончая штампом «Оплачено». Такой комплект печатей был обнаружен мной в кармане кителя, аккуратно собранный в тканевом мешочке.

В итоге, обнаружив такой подарок судьбы, я тут же решил проверить самую настоящую аферу: получить на корабль не имеющее к нему отношения оружие, боеприпасы и имущество. В помощь взял своего командира артслужбы Кручинина.

Ранее полученная для флотилии «полуторка» была с помощью какой-то матери запущена. Несколько поездок по кругу внутри завода позволили освоиться с вождением этого грузовичка. Далее, посадив в кабину Павла и четырех матросов из пополнения в кузов, начал колесить по городу. Заехали в ближайший магазин, в котором купили пару ящиков коньяка, а далее в тыл флота.

Вначале заехали в отдел вооружений. Познакомился с начальником отдела, представился как представитель флотилии – посланный за необходимыми флотилии припасами и оружием. Извлеченная из портфеля бутылочка коньячка и неприхотливая закуска из сала с огурчиками сразу разрядили атмосферу. Пока мы с начальником отдела пили чай, мой лейтенант и девушка из отдела разобрались с учетом и сделали комплект документов на получение оружия и боеприпасов к нему. Я только тут же, в кабинете начальника, ставил штамп на заявке и печать на нарядах. Заказы слегка удивили Сергеевича, однако не выходили за рамки, возможно, необходимых флотилии. Тем более что все тут же обосновывалось, для чего заказывалось то или иное наименование.

Ну, кого удивишь получением полутора десятков лафетов тумбовых, компрессоров гидравлических и накатников пружинных к 76-миллиметровой зенитной пушке Лендера, образца 1914 (индекс 8-К), снятых с производства шесть лет назад и лежащих на складах без потребности. Старье, оно уже никому не нужно.

Немного удивили заказанные по два десятка 12,7-миллиметровые авиационные пулеметы ШВАК (темп стрельбы 700–800 выстрелов в минуту), серийно производимые с 1935 года, и 20-миллиметровые авиационные пушки ШВАК, образца 1935 (темп стрельбы 800 выстрелов в минуту).

Узнав, что в нашей флотилии есть 96-я отдельная истребительная эскадрилья ВМФ, якобы это вооружение и боеприпасы берутся для истребителей И-153бис (только в этот момент истребители флотилии имели на вооружении по четыре пулемета 7,62 мм), начальник отдела пошел навстречу. Так как истребители стреляют и расходуют огромное

количество боезапаса, а ближайшие наши склады снабжения – это Одесса и Николаев, то по мелким партиям гонять судно невыгодно, поэтому боезапаса на эти пулеметы и пушки я также взял не мало.

Вторая бутылочка коньяка позволила рассказать о том, что у нас во флотилии нет зенитных прожекторов для нашего 46-го отдельного зенитного артдивизиона, а так как флотилия базируется на нескольких базах, то для каждой зенитной батареи дивизиона надо по отдельному прожектору. На всякий случай не помешает иметь нам и кое-что в запасе.

Зенитных автомобильных прожекторных станций типа 3-15-4Б (дальность действия луча до 12 километров и осевая сила света: 650 миллионов свечей) нет, но флотская смекалка не подвела, тем более я предложил, чем их возможно заменить.

На складах были прожекторы для корабельных башен 406 миллиметров (башни МК-1). Башенный цех завода № 198 в Николаеве, из-за отсутствия карусельного станка, в начале 1939 года сорвал заказ-задание на выпуск башен МК-1. В связи с прекращением строительства линейных кораблей типа «Советский Союз», которым это оборудование и предназначалось, в тылу флота нашлись визиры 1-Н, имеющие синхронную связь с манипуляторными колонками двух 120-сантиметровых боевых прожекторов ПЭ-Э12.0–1 с силой света в 490 миллионов свечей. Не будет у меня светового луча на двенадцать километров, для моего замысла и восьмикилометровой дальности действия луча хватит. Выделили для дунайских моряков аж три прожектора с визирами и комплектами оборудования.

Для установки зенитного прожектора на каждый монитор было решено использовать лежащие на складах еще с царских времен прожекторы Манжета, диаметром 75 сантиметров, с электрическим дистанционным управлением, предназначенные для боевого освещения целей ночью и ранее используемые на крейсерах типа «Аврора» и броненосцах типа «Бородино». Эти раритеты имели дальность освещения – три мили (более пяти километров), около ста миллионов свечей осевой силы света! Такого старья мне на радостях выделили десять единиц и еще полтысячи угольных свечей к ним.

Я обрадовался, и мгновенно два ящика коньяка перекочевали из кузова грузовика в кабинет начальника отдела вооружений тыла Николаевской ВМБ. Охране сказали, что привезли бутылки с зажигательной смесью.

Целый ящик подарил моему новому другу – Николаю Сергеевичу.

Второй ящик вызвал явное недоумение.

– Говорил один ящик, а притащили два, в чем дело?

Так как мы оба уже довольно легко понимали друг друга, то разговор о том, что мне надо еще кое-что, ну совсем немного, выписать и получить в отделе электромеханического снабжения тыла, протекал плавно.

– Я же должен думать и о наших механиках!

Телефонный звонок, и начальник отдела снабжения механиков оказался в гостях у начальника отдела вооружений. Не прошло и пяти минут, как механик тыла присел за столик, получил в распоряжение ящик коньяка и выставил бутылочку на стол.

Теперь уже мне пришлось объяснять необходимость иметь в наличии для флотилии таких простых вещей, как несколько десятков баллонов высокого давления (двух-, трех- или пятилитровых), десятков редукторов в комплекте с кранами к ним, а также кислородных ребризеров замкнутого цикла с десятков – тех, что на подводных лодках используют, и приборов ИСА, для борьбы с пожарами в задымленных отсеках. Для показательного учения и

установки, мол, противопожарных систем.

— Нужен нам и сварочный аппарат с ацетиленовой горелкой, и пяток электрогенераторов, к примеру с трактора «Сталинец 60» или с 65-го. Новые прожекторы, установленные на «полуторках», надо электричеством запитывать? Надо. Вот и поставим дополнительные генераторы. На кораблях, вообще, новые посадочные места и крепеж делать под прожекторы и аппаратуру, рубку слегка переваривать. В Измаиле пока у нас даже мастерской еще нет, недавно стали базироваться. В общем, что дадите... А еще нам нужен движок для глиссера — от любого старенького самолетика морской авиации — даже с «Р-1» пойдет или «Фармана» какого-либо, главное, чтобы пропеллер был. Там у нас тьма болот и только на глиссере пройти можно. А то, что мотор от царя гороха и авиаторам уже не нужен, то нам и хорошо, глядишь — потом еще парочку возьмем.

Втроем перейдя в новый кабинет и попив там чайку до полудня, удалось выписать кучу нарядов, созвониться с начальниками складов и получить зеленую улицу на получение имущества.

За пулеметами и боезапасом к авиационным пушкам пришлось ехать на склады морской авиации, и только своя машина помогла успеть в срок.

В николаевском магазине на оставшиеся деньги выкупил белый шелк, шелковую нить и страшный дефицит — трое солнцезащитных очков.

Так в подведении итогов налета на службы снабжения и заснул. Проснулся ночью, когда входили в Дунай. Ближе к вечеру буксир пришел в Измаил.

Глава 2

Дунай и флотилия

Дунай – крупнейшая река Центральной и Юго-Восточной Европы и вторая после Волги река континента. В горах Шварцвальда на территории ФРГ выбивается на поверхность малоприметный подземный источник. Это начало основного притока Дуная – Бреге. От места слияния притоков Бреге и Бригах до Черного моря (порт Сулина) – 2783 километра, при расстоянии между ними по прямой 1630 километров.

Плавание судов на Дунае становится возможным ниже города Ульма (2588 километров), однако участок до города Кельхайма (2415 километров) проходим только для судов грузоподъемностью не более 300 тонн. Кельхайм – город в Германии, районный центр, расположен в земле Бавария, со столицей Мюнхеном.

Регулярные перевозки грузов крупнотоннажными судами начинаются от Кельхайма и ниже, связанное с выходом в море осуществляется преимущественно через Сулинское гирло.

Далее Дунай протекает или является границей восьми государств: Германия, Австрия, Словакия, Венгрия, Хорватия, Югославия, Болгария, Румыния, и двух советских республик – Молдавия и Украина; проходит через такие столицы, как Вена, Братислава, Будапешт и Белград. Помимо этих стран водосборный бассейн Дуная охватывает территории нескольких европейских государств – Швейцария, Италия, Чехия и Польша.

Судоходство на Дунае продолжается в течение большей части года и прерывается лишь на один-два месяца. В особенно тёплые зимы оно не прекращается круглый год. Это самый большой международный транспортный водный коридор, открывающий наиболее короткий и дешевый путь для экономических коммуникаций Запада и Востока.

Водный транспорт является самым дешевым, поэтому большая часть грузопотоков с железнодорожных и автомобильных маршрутов переориентируется на него. Румыния до 1939 года являлась монополистом судоходства в дельте Дуная.

Заинтересованность грузоперевозчиков таких стран Средиземноморско-Черноморского бассейна, как Италия и Греция, Советский Союз, Турция и Югославия, в доставке товаров в центр Европы максимальна.

В Черное море Дунай впадает тремя основными гирлами: Килийским (северным), Георгиевским (южным) и расположенным между ними Сулинским. Георгиевское и Килийское гирла имеют свои второстепенные гирла, в частности, от последнего отходит Очаковское гирло.

Килийское гирло, на большей своей части являющееся пограничным между Украиной и Румынией, доступно для плавания морских судов с осадкой до пяти метров. Точную проходную осадку через морской канал Прорва, а также перекаты Килийского гирла необходимо постоянно уточнять. Средние скорости течения – 2,0–6,3 километров в час.

Для того чтобы оценить возможности Дуная как транспортной артерии в обеспечении военных действий, можно взять открытый источник из истории Измаильского порта. Сразу после освобождения в 1944 году «...в сентябре измаильские портовики отправили фронту около 30 тысяч тонн военных грузов...» – фронт в это время был в центре Европы выше по течению.

А теперь представьте, сколько тысяч тонн грузов прошло из Европы по Дунаю на Восточный фронт с августа 1941 года по август 1944 года, в то время когда грузооборот

автомобильного транспорта, в котором участвовали машины класса – «полуторки» и телеги, был в 35 раз ниже расцвета СССР – 1975 год. Тогда не то, что машин, тогда и шоссейных дорог было мало, не только в Советском Союзе – вся Европа зависела от внутренних и внешних водных путей.

Потеря двух третей всем известного ленд-лизовского конвоя PQ-17 из Англии в Мурманск привела к краху Южных фронтов и Сталинградской битве в 1942 году. Эвакуированные заводы и промышленность еще не могли обеспечить столько оружия и боеприпасов. Люди были, а оружия – даже винтовок типа «мосинская» в стране не стало.

Можно задать вопросы:

Сколько потеряно было времени странами оси на юге Украины?

Сколько возможных конвоев обеспечения, Южной группы войск, стран оси посылалось кружными путями?

Сколько эшелонов, необходимых для прорыва к Москве и Ленинграду, простаивало и давало дорогу эшелонам для Южной группы войск?

Если бы южные войска прекратили наступление, то войска группы «Центр», рвавшиеся к Москве, вынуждены были бы остановиться из-за угрозы удара и окружения с юга?

Все взаимосвязано. В нашей реальности происходила примерно такая последовательность событий.

Оставление дунайских портов Рения и Измаила (к которому в 1941 году подвели железную дорогу), после оставления Минска и Смоленска, позволило румынским частям усилить свои атаки на Одессу. Появилась первая железнодорожная ветка, связывающая Дунайскую транспортную артерию с сетью железных дорог Украины и южной части Союза. Появился новый мощнейший путь снабжения воюющих сил стран оси.

Дунайская флотилия почти месяц держала этот водный путь из Германии в Украину или из Средиземноморья в Германию и всю Центральную Европу.

Германским фронтам напрямую более дешевым и крупнотоннажным транспортным путем Бавария и Центральная Европа – Дунай – порты Измаил и Рения – Украина – Днепр и Буг явно выгоднее обеспечивается снабжение.

Далее порты Николаева и Херсона немецкой армией захвачены и ждут, когда освободится вход в Днепро-Бугский лиман. Вновь появляется, как кость в горле, Дунайская флотилия. Почти неделю длятся бои за порт Николаев. Николаев захвачен, и вдруг из Очакова атака на правобережный пригород – Варваровку, частями, поддерживаемыми флотилией.

Еще неделя боев за порт Херсон и вновь – город брали, брали, а как взяли – переправиться нет возможности, транспорты под разгрузку не поставишь. С той стороны реки войск одна кавалерийская дивизия на десятки километров левобережья Днепра, да флотилия переправиться не дает.

Взяли Николаев и Херсон, с боями взяли Очаков, из которого войска опять эвакуирует флотилия.

Необходимость в морском пути Дунай – Черное море – Днепр настолько велика, что еще в руках черноморцев остров Первомайский, а транспорты с потерями, но уже пошли. Потеря одного транспорта бывает соизмерима с потерями эшелонов дивизии за неделю, а то и две. Нельзя такого допускать.

Кинбурская коса напротив Очакова – основа Тендеровского оборонительного района, который на Западе все еще перекрывает доступ в Днепро-Бугский лиман, а на Востоке нависает над Перекопом – воротами на Крымский полуостров. Дунайская флотилия, вновь

обороня Очаков и Тендеровский участок, маневрируя войсками и артиллерией своих кораблей, выигрывает неделю.

Ответная реакция – вся новейшая бомбардировочная авиация южной группы войск оси против кораблей и судов флотилии и нескольких истребителей типа «Чайка», базирующихся на Тендеровской косе.

Зенитное вооружение кораблей флотилии – 7,62-миллиметровые пулеметы «максим» – против асов Геринга, топивших линкоры англичан. Эти асы настолько опытные, что способны одной бомбой попасть и поразить то ли дот, то ли танк. Два устаревших монитора посреди мелководной лужи – нет проблем, потопим. Вот будущее флагмана флотилии – монитора «Ударный». А следом и за флагманом прекратит существование вся флотилия.

Флотилия за два месяца активных боевых действий фактически не допустила из Дуная в порты юга Украины явно больший тоннаж, чем тоннаж стандартного Североатлантического конвоя типа PQ-17.

Действия Дунайской флотилии как минимум предотвратили еще одну, какую-нибудь не состоявшуюся битву между войсками оси и Советского Союза в 1941 году. Так как в тот период положение страны было более тяжелым, чем в 1942 году, то итог этой битвы был бы очевиден и Советский Союз как страна, скорее всего, исчез бы не в 1992 году, а в 1941 году.

Исчез Тендеровский оборонительный участок – открылось устье Днепра и Буга, доступ к большей части Украины, которая практически сразу оккупирована. Открыт Север Крыма, войска оси блокируют Приморскую армию в Севастополе и атакуют Керчь.

Перекрыт водный путь Закавказье – Черного море – Ростов-на-Дону – Дон – бассейн реки Дон – открыт путь на Северный Кавказ, Поволжье, Восточное Причерноморье и Харьков.

Захвачена Керчь и Керченский пролив: транспорты, огибая Севастополь, по маршруту Европа – Дунай – Черное море – Дон – Ростов-на-Дону обеспечивают снабжение Южной группы войск оси и ее наступление на восток, юг и север. Создались условия для битвы за Сталинград и Кавказ.

Никто не знает, сколько за три года транспортов стран оси прошло южным водным путем и сколько их было, если их суммарный тоннаж соизмерять с атлантическими конвоями.

Вот такие мысли появились у меня в голове, когда я увидел прижавшиеся к пирсам корабли и суда флотилии в измаилском порту. Чуть более полугода прошло, как выделенные из состава Днепровской и прочих флотилий корабли обосновались в этом регионе. Всем известно, что лучшие из команд и новейшие корабли остаются в старых подразделениях, а те, кто не нравится начальству, отправляются во вновь сформированные части.

Не думаю, что мой предшественник был ярым служакой, но раз будучи молодым старшим лейтенантом стал командиром корабля 3-го ранга, то дураком быть не должен и отсутствием инициативы не страдал.

Именно с учетом склада характера предшественника я и собирался играть.

Спрятать кучу прожекторов, оружие и боеприпасы к нему, устаревшие пушечные лафеты, не укомплектованные стволами, и прочее оборудование, которое к тому же надо переносить не с помощью магии, а минимум с помощью аврала краснофлотцев. И зачем, спрашивается, у меня лежат аж три авиационных двигателя с выпирающими пропеллерами в сборе. Разве такое спрячешь и разместишь втихаря на корабле водоизмещением 260 тонн.

Я ожидал массу вполне обоснованных вопросов и принятия решения на самом высшем

уровне – командира флотилии. Не думаю, что он захочет прикрывать так просто возможное хищение имущества с превышением полномочий должностным лицом.

Никто не сможет сказать, что командиры соединений не видят пользы от действий подчиненных, позволяющих показать командованию, какие под их руководством отрабатываются и используются новые тактические приемы и как под их руководством улучшается боеготовность части. Тем более если их подчиненные сами что-то там придумывают. Лишь бы не было гибели людей, чрезвычайных происшествий с оружием и утраты секретов. Если идея хороша, то почему бы ее не использовать. Тем более что только сформированную флотилию обязательно в начале навигации будут проверять не ниже чем на уровне командующего Черноморским флотом, или даже союзного.

Всегда рядом со снабженцами и финансистами, у любого командира части, есть один-два инициативных и грамотных офицера, которым позволяют играть в войнушку и которых выставляют для проверок по боевой подготовке и как знаменитости.

Так было и так будет всегда, у грамотных командиров существуют две команды фаворитов, приближенных к телу начальства – рвачей по снабжению и отморожков по войне. Иногда, когда надо припугнуть зарвавшихся снабженцев, на них напускаются отмороженные ястребы войны, которые с удовольствием добывают компромат на конкурентов. У хорошего командира обе эти команды работают с уважением друг к другу, иногда даже помогая в решении общих проблем.

Остальные просто плывут по течению, стараясь дослужиться до пенсии и не попасть в конфликт с какой-либо из упомянутых команд.

Я решил создавать себе имидж отмороженного на войне офицера. Да и деваться некуда. Послезнание заставляет: через полгода придется выживать по-настоящему, а не играть в войну.

Известный факт, что в 1941 году Дунайская флотилия высадила десант и удерживала территорию плацдарма на румынской стороне почти месяц, с линией обороны в десятки километров. Некоторые думают, что это была инициатива командования флотилии. Можно сразу сказать – нет. Годом ранее появилось спланированное решение о необходимости десанта, захвате и удержании любой ценой его в случае войны с Румынией. Решение было принято на самом высочайшем уровне, в момент, когда Советский Союз отобрал у Румынии Бессарабию и выдвинул на границу, еще с царских времен, флотилию. Все понимали, что война с Румынией может стать ближайшей реальностью. Немцы в 1940 году были почти союзниками, а румынское королевство – реальным врагом.

Как только флотилия пришла летом 1940 года в Измаил, открылась вопиющая действительность. Левый (советский) берег реки низменный, а правый, возвышенный, с которого пойма реки просматривается, а соответственно и простреливается на десятки километров. Порт Измаил и Килия с базирующимися там кораблями и судами, аэродром у Измаила были прекрасными мишенями для противника, в возможном вооруженном противостоянии. Контроль над правым берегом в районе Измаила был жизненно необходим флотилии. Как так произошло, что противник не построил напротив укрепрайон – непонятно.

Еще летом 1940 года в плане боевой подготовки флотилии на 1941 год была введена обязательная задача высадки десанта и удержания плацдарма под руководством и во взаимодействии с частями Одесского военного округа. Округ должен был выделить целый полк для десанта. Предварительные планы десантной операции были согласованы в штабах

Одесского военного округа и Черноморского флота.

Была задумана не только десантная операция, в планах нашли отражение и противодействие превосходящим силам румынской флотилии. Спланировалась и в последующем проведена в жизнь минно-артиллерийская позиция, перекрывшая путь румынской флотилии к Килия-Веке.

Незадолго до войны, весной на озерах флотилия провела зачетные учения совместно с армейскими частями и отработала этот план практически. Фактически на Дунае, в частности войсками Одесского военного округа и флотилии, показаны выучка сил, образец планирования операций штабов и взаимодействия армии и флота. Не зря Одесса продержалась так долго, ее обороной занимались не паркетные генералы и офицеры.

Теперь вернемся к реальности. Прежде чем прийти в Измаил, был уточнен план и время перехода. Перед выходом мне лично пришлось связаться с оперативным дежурным флотилии и доложить ожидаемое время и дату прихода в базу, с указанием контрольных сроков прохождения мимо наших постов наблюдения на Дунае. В обязанностях оперативного дежурного находится контроль сроков прохождения кораблей и судов флотилии и доклад о результатах непосредственно командующему – капитану первого ранга Николаю Осиповичу Абрамову или начальнику штаба.

Поэтому, пока мы шли по Дунаю, с постов наблюдения в Килии и Вилково, доклады о прохождении нашего буксира и баржи наверняка прошли. Не так часто суда снабжения и восемь десятков краснофлотцев пополнения прибывают в базу. Своего рода для флотилии и жителей базы, семей, жен и подруг откомандированных – большое событие. Буксир, идущий со скоростью чуть больше скорости пешехода (7–8 километров в час) собираются встречать заблаговременно, пост наблюдения заранее инструктируется о прибывающем судне. Кроме командира информацию мгновенно дублируют друзьям и родственникам прибывающих. В общем, к моменту швартовки движущегося с черепашьей скоростью буксира я, стоя на мостике рядом с Сергеевичем и Кручининым, Пшеничным и Кротовым, смог рассмотреть и даже услышать комментарии о встречающих.

Как только смог, еще в Николаеве стал носить купленные солнцезащитные очки, пряча бегающие глаза в период раздумий при беседе со знакомыми незнакомцами. Делая вид наличия осложнения от гриппа после трехдневного моего лежания в коме, я умудрился поспособствовать тому, что все, что я делал, списывали на болезнь. В свое время, еще в школе, я переболел гриппом и получил именно такое осложнение, которое со временем прошло, но те ощущения, когда любой свет бьет по глазам, хорошо помню.

Теперь, спустя почти пять суток ношения очков, в моей компании никого не смущала трудность взгляда вдаль и на свет. Я вполне безобидно смог задавать вопросы о встречающих. Готовясь к личной встрече с ними.

По идее, как старший на переходе, я должен буду доложиться старшему на пирсе – это может быть командир дивизиона мониторов капитан-лейтенант Кринов, очень даже может быть сам командующий или начальник штаба флотилии капитан второго ранга Григорьев. Я решил действовать по обстановке и, ориентируясь по шевронам на рукавах, вычислять встречающих.

Пару раз сняв и надев очки, выразил свою беспомощность:

– Вот гадство. Ничего не вижу, все размыто и режет слегка, а в очках все темно. Мне хоть кто-то скажет, кто из начальства встречает и куда присматриваться. «Ударный» вижу, а лица и силуэты расплываются. Где комдив и кто из флотилии встречает? – Так как я

изображал подслеповатого, не стесняясь, опять спросил: – Кто из начальства встречает, плохо вижу, размыто все?

Сам стараюсь запоминать фамилии и имена сослуживцев.

– Здесь все, и Кринов – вон смотрите у юта «Железнякова» с Маринушкиным стоит, а на мостике штабного «Буга» стоят Абрамов и Григорьев. Колесный корабль с тремя штырями антенн и натянутыми от топа мачты к юту парой проводов. На мачте поднят вымпел командующего.

– А кто там к комдиву подошел?

– Так это наш доктор Панасюк.

– Павел, а как родные. Тебя встречают?

– Вон моя Вика с вашей Мариной, рядом с девушками из госпитального.

Возле госпитального колесного судна с огромным красным крестом стояла стайка девиц в белых халатах, а возле них еще трое – молодых женщин или девушек. Какая из них моя Марина, придется разбираться по месту. Пойду по методу исключения.

– Слышь, Павел, давай спустимся на палубу к Нечипайло.

– Нечипайло, иди сюда.

– Товарищу командиру...

– погоди, старшина. Как только швартуемся, мгновенно выводи и строй краснофлотцев. Я подожду, пока ты построишь и доложишь мне о построении. А уже потом я доложу командующему, или начштаба, или комдиву о прибытии. Пополнения и судов. Павел, напоминаю, ту четверку, которая с нами ездила по складам, сразу веди на корабль. Имей в виду, как только я доложу командующему о прибытии и распушу строй. По пути не забудь наших гостей в юбках на корабль завести и по каютам развести, чтобы по пирсу и кораблю не шастали.

– Я доложусь комдиву, узнаю, какие новости, и приду на корабль.

– К этому моменту ты берешь подвахтенных, дозорных или кого сам решишь из своей боевой части и ставишь под ружье на охрану нашего груза на барже. Вначале ставишь подвахтенного, а потом уже своих людей. И учти вахта круглосуточная. Никто пока не должен знать, что привезли.

– Есть.

– Скорее всего, меня сразу возьмут в оборот и пошлют с докторами общаться. Так что смотри – не подведи. Имущество на мониторе числится, а за оружие сам знаешь, что может быть.

– А мені що робити?

– У тебя все понятно. Как только старший лейтенант заберет четверку, бежишь к кадровику, докладываешь о прибытии команды пополнения. Пусть он и разбирается. Не забудь, пока бегать будешь, у краснофлотцев старшего назначить.

Планировал одно, а получилось все несколько по-другому. Доклад принял комдив.

– Товарищ капитан-лейтенант, докладываю по случаю прибытия из командировки. Вверенная мне команда пополнения и суда обеспечения прибыли без происшествий. В период командировки заболел и неделю пробыл в Николаевском военно-морском госпитале. Командир монитора «Ударный», старший лейтенант Прохоров.

– С прибытием, теперь уже товарищ капитан-лейтенант. Поздравляю с приобретением нового звания.

– Служу трудовому народу.

– Смотри, до пятницы – чтобы никаких обмываний.

– Есть, товарищ командир.

Далее переходим к выстроенным краснофлотцам, и комдив приветствует их.

– Смотрю, твой командир БЧ-2 вовремя оказался в Николаеве.

– Да мне без него было бы тяжело. Он с Нечипайло за меня кучу работы сделали. Кстати, прошу помочь мне забрать старшину к себе на корабль. Толковый старшина, говорливый, правда, и все никак с русским языком не может сойтись. А так что надо.

– Посмотрим. Людей всех к нам на мониторы распределяем, так что, кого присмотрел – забирай, но не наглей, всем поровну. Сейчас вместе к командиру пойдем. Он доволен – ты ему «эмку» привез.

Подожли вместе с комдивом к офицерам и начали здороваться. Одного я уже приблизительно знал – доктора; командира «Железнякова» уже тоже вычислил. Стоящего у пирса «Ударного» мне трудно пропустить мимо, там я тоже, думаю, не оплошаю. Любимую то ли жену, то ли женщину, а может, девушку-невесту уже повел Павел на борт.

Иду следом за начальством. Тут же надеваю очки, надо имидж больного поддерживать. Начальство останавливается и придирчиво задает вопрос:

– Ты что теперь на службе франта изображать будешь? Зачем очки? Ты бы еще белую панаму нацепил, чтобы на тебя пальцем показывали.

Вновь сняв очки и щурясь, начинаю рассказывать о гриппе и его последствиях.

– А, раз доктор прописал, тогда ладно, только ты у командующего пока не выпячивайся. Как зайдем, очки снимешь.

– Есть.

Прошли по трапу на штабной «Буг». Далее, войдя в надстройку, оказались у уже знакомого провала отсека механизмов колесного движителя и, обогнув по периметру, вошли в адмиральскую каюту. Стук в дверь каюты, и получаем добро на вход.

Адмиральский салон блещет золотом начищенной бронзы и письменным набором на столе. В углу на полке четыре телефона, на одном из которых прикреплена мельхиоровая пластина герба Советского Союза (прямой телефон с Москвой), на другом прикреплена пластина с якорем и надписью ВМФ. Письменный набор в военизированном флотском стиле – перьевые ручки вставлены в башни (чернильницы) с крышечками наблюдательных постов трех цветов: черного, красного и синего. Ручки изображают стволы береговой артиллерийской батареи. Явно работа какого-то местного умельца.

– Прошу разрешения, – обратился командир дивизиона.

– Товарищ капитан первого ранга, представляюсь по случаю прибытия из командировки.

Командующий флотилии выходит из-за стола, здоровается и спрашивает:

– А кого, это ты, Иван Александрович, там изображал, с черным пенсне на носу? Не красного ли командира?

– Товарищ командующий, в связи с болезнью вынужден временно прятать глаза от света. Осложнение... Врачи сказали несколько месяцев, а потом пройдет.

– Наслышан, оперативный докладывал, что ты испанку подхватил. Ладно, раз доктора сказали, что носить, так носи, но на смотрах и сам знаешь когда постарайся обходиться без очков. Смотрю, похудел, на тень похож стал. Положено тебе, конечно, десять суток оздоровительных после госпиталя, но ты командир корабля. А частый сход с корабля явно не совместим с выполнением обязанностей. Так что в каюте отлежишься, да у невесты по вечерам отъедайся. Когда свадьба будет?

– Надо уточнить.

– Смотри не тяни, пока зима, еще есть время, на себя возьмешь трое суток да еще оздоровительные там и отдохнешь.

«Так, теперь понятно: в каюте у меня сейчас девица, и не просто девица, а официальная невеста и имя есть – Марина, иначе ее на пирс не пустили бы. Посмотрим, что получится. С одной стороны, Прохоров как был, так и остался, отпечатки пальцев, глаза, кровь и гены – прежние. Личность только куда-то делась, а моя, наоборот – вселилась. Надолго ли?»

– Ну, что ж, поздравляю тебя с присвоением очередного звания. Каплеевские нашивки я тебе заготовил, так что надеюсь увидеть тебя сегодня с новыми нашивками.

Получаю из рук командующего капитан-лейтенанские нашивки на рукава.

Приходит время главного вопроса. Что я получил?

– Вижу – машины мне из Николаева привез. Судя по всему, и все, что заказывали, привез. Одного не пойму, почему твой артиллерист охрану у буксира поставил, что за ящики под брезентом на баке?

– Инициативу проявил, товарищи командующий. Как решите, так и будет. Думаю, с одной стороны, я суток на трое ареста тяну, а с другой – может, жизни наши через полгода спасу. Здесь у меня обстоятельная служебная записка, обосновывающая мои действия. Хочу на завтра записаться к вам на прием, на личную беседу, ответить на все ваши вопросы и выслушать ваше решение. Дело настолько серьезное и, считаю, секретное, что прошу вас ни с кем не обсуждать, до беседы со мной, мою служебную записку и мои действия.

– Даже так?

– Да. И еще прошу утвердить пост по охране оружия и боеприпасов, и имущества, выставленный мной. Пока к решению всех вопросов, связанных с моими предложениями, привлекать только мой экипаж, чтобы устранить возможность утечки информации.

– Хорошо. Раз такое дело, то запрещаю ваш сход на берег, до решения вопроса.

– Командир дивизиона, Всеволод Александрович, – обеспечьте. Пост утверждаю. Завтра решим, как далее будет. И покажите нашего героя доктору. Пусть его посмотрит и вам доложит результаты.

В том, что Николай Осипович не ляжет спать, пока не прочтет мою служебную записку и приложения к ней, я не сомневался. Вероятность мгновенного вызова НКВД и взятия меня под стражу тоже была, но мала. Абрамов был поставлен командовать формирующейся флотилией не просто так, в этом случае тихоня, боящийся шага ступить без команды сверху, или очковгиратель, создающий мыльные пузыри, такую работу потянуть не в состоянии.

Грамотный, инициативный, умеющий быстро реагировать на изменения обстановки командующий флотилии явно должен увидеть в моих предложениях не только возможность с моей помощью сделать себе имя и авторитет, но и поднять уровень флотилии путем нововведений.

Шанс попасть в лапы НКВД был существен. Героем я тоже не был. Поэтому и подстраховался в Николаеве. Как говорится, на крайний случай.

Вторую ночь после выхода из госпиталя я провел не в каюте ИП-22, а в путешествии по ночному Николаеву, в район Обисинии, к единственно близким мне людям в городе – в семью своего отчима. Отчим в свое время заменил мне отца, а его мать – бабушку. Фамилии

у нас разные, и никто не смог бы связать меня с этой семьей. Там остались два пакета на имя товарища Иванова (Сталина) в Москве и товарища Берии. Если я не пришло через два месяца простенькую телеграмму, то оба пакета должны были начать свое движение в Кремль и на Лубянку. Доказать, что командир корабля вдруг стал другим человеком, будет ох как трудно, ведь даже ДНК не поменялось. Не говоря уж об отпечатках пальцев.

Теперь оставалась главная проблема этих суток – любимая женщина теперь уже капитан-лейтенанта Прохорова.

Вновь, как и при входе на буксир в Николаеве, использовал флотские традиции и порядки. Здесь я уже не боялся запутаться в неизвестном устройстве надстройки и корпуса колесных пароходов.

На пирсе со всеми здороваюсь и принимаю отдачу чести от вахтенных. По-хозяйски захожу на борт, отдав честь флагу. Выслушиваю доклады сначала вахтенного, а потом дежурного. Уточняю, как идут дела, пока меня не было, и смело иду впереди дежурного в надстройку. Вместе с ним захожу в ходовую рубку и просматриваю заполнение вахтенного журнала. Выясняю, что в вахтенный журнал не вписаны вахтенные, выделенные из экипажа для охраны буксира ИП-22. Делаю замечание и жду, пока впишут фамилии вахтенных. Уточняю, где находится в настоящий момент моя подруга. Получив доклад, что в каюте, выхожу из рубки и по трапу спускаюсь в жилой отсек.

Первыми идут каюты, потом кубрик старшин и далее кубрик личного состава. С топотом спускаюсь по трапу в офицерский отсек, далее вижу открывающуюся каюту и лицо милостивой девушки. Ее лучистые глаза и милая улыбка вызывают у меня автоматическую ответную улыбку – все, нашел. Марина, оставаясь в каюте, пытается пропустить меня в каюту. Становимся друг против друга и замираем. По-другому тут нельзя – с одной стороны открывающаяся вовнутрь каютная дверь, с другой стороны – двустворчатые дверцы рундука-шкафа. Мгновение – и хрупкая фигура прильнула к моей груди. Дежурный топчется у трапа отсека. Взмахнув рукой, я отпускаю его. Время вокруг нас остановилось – мы вдвоем.

Неправильно и подло, конечно, пользоваться чужим счастьем, но и мне некуда деваться. Практически сейчас это единственно близкий мне человек. Так почему бы не промолчать, во благо хотя бы одной личности. Ведь я для нее не чужой, а долгожданный и, наверное, родной.

Глава 3

Эксперимент командующего

Моя служебная записка на трех листах и три вырезки из газет сделали свое дело. Контр-адмирал, начав читать содержимое, потерял сон. Абрамов не был бы на своем месте, если бы не доверял интуиции. Полгода, это и много, и страшно мало в то же время.

С одной стороны, как сон не потерять? Командир флагманского корабля вдруг без раздумий бросился в авантюру, да еще и в какую – столько имущества, оружие и боеприпасы, к которым флотилия, казалось, не имеет никакого отношения. Одна только пьянка – в тылу флота, в Николаевской базе, чего стоит. Такое количество коньяка не спрячешь ни в каком случае. Да и наши краснофлотцы тоже не дураки – явно знают, что таскаемые ими коньячные ящики за просто так не дарятся. Максимум через неделю энкавэдэшники и политработники – что в Николаеве, что в Измаиле – будут знать о таком поведении командира флагмана флотилии. Все знают, что его посылали за имуществом и боеприпасом, нужным флотилии. Но никто не ожидал, что будет такое самоуправство. То, что предлагает и ради чего Прохоров пустился в аферу, просто выходит за все рамки. Может, он сошел с ума после болезни. Надо, конечно, присмотреться к нему. Однако, какие выводы сделаны всего из нескольких газетных статей. Война, по его анализу, начнется через полгода – с румынами и немцами, и вообще со всей Европой. Настоящая бредятина.

Однако он прогнозы со сроками ставит. И не просто так, а с событиями за границей. Одни эти действия в этом году итальянцев в Александрии – действительно были, и в газетах об этом писали. Почему у нас такое не пройдет? Если удастся, и преподнести такие действия на зачетных учениях весной следующего года. Это ж как сразу себя покажем. Откуда знание о будущих сценариях совместных учений с округом? Разговор был только с начальником штаба и командующим округа. Весь сценарий будущих учений используется как основа, добавляются к нему мероприятия. Выделить учение по ПВО как отдельный элемент с созданием кораблей ПВО и буксируемых барж ПВО. Одно применение взвода разведки и плашкоутов с минометами.

С глиссерами – все как просто, самолеты прилетели, а корабли дымзавесой с глиссеров прикрыты. Задымил всю стоянку и жди, пока бензин не кончится и не улетят. Самолеты противника летают, куда бомбить, не понятно. Зато корабли могут продолжать стрелять по невидимым целям. Тут главное заранее надо иметь запас дымовых шашек на складах, ну скоростной глиссер. Вот, для чего авиадвижки с пропеллерами и нужны. Корпус в виде корыта из оцинковки и мотор с пропеллером от старых самолетов. Сделать проще простого. Это принимаем без вопросов. Теперь надо будет дымшашками флагманского химика озадачивать. Если еще и пулеметы зенитные на глиссеры и полуглиссеры поставить, то действительно, передвижная противовоздушная единица получается.

Откуда у него знания о составе румынской авиации и их действиях в будущем? Надо будет уточнить у нашего разведчика о двухстах польских самолетах, якобы перелетевших в 1939 году в Румынию. Да и немецкие пикировщики под боком, примерно 30–40 «Штук» (как говорит). Если они действительно англичан бьют, а ведь бьют, то у нас огромная проблема – так за один налет такого полка и мы останемся без кораблей.

А как уверен в себе: просит эксперимент провести с нашими зенитчиками и истребителями. И не стесняется, что над ним смеяться будут. Еще и с разведкой эксперимент

просит провести. Не боится, что все эти самолеты только в его воображении. Хотя даже если разведчики не подтвердят такое количество или про итальянцев ничего не знают, то на уточнение минимум им месяц, а то и два понадобятся.

Такое ощущение, что он уже заранее все знает.

А если он шпион. Но разве шпион стал бы так рисковать и так стремиться нашу боеготовность увеличить?!

Модернизация корабля вполне реальна. Создание зенитных прожекторных станций – не думаю, что зенитчики откажутся от такого подарка. Да не 12 километров подсветки, нашей маломерной части и 4–5 километров хватит. А если Прохорову удастся то, что он задумал, то вообще прекрасно. Будет, что командующим не то что Черноморского флота, но и Кузнецову не стыдно показать.

Большая часть предложений вполне обоснована, окончательные выводы пока делать рано, а то, что надо создавать защиту информации и действий командира «Ударного», не вызывает сомнений. В этом вопросе Прохоров вообще просит создать из его корабля настоящий режимный корабль. Таким образом, НКВД вынуждено будет защищать николаевскую аферу, и комиссарам придется вдохновлять действия, начавшиеся в Николаеве. Взвод разведчиков также к месту придется – обеспечит охрану. Эти ребята хоть и входят в НКВД, однако с особым отделом конкурирует, а поэтому также будут Прохорова поддерживать.

Этот шельмец, действительно, многое просчитал, не зря штаб флотилии уже полгода на его корабле квартируется. Просит эксперимент – будет ему эксперимент! С утра и начнем.

Мой первый день в роли командира монитора начался буднично для всех и пыткой для меня в виде обычного бритья. В жизни я брился вначале безопасной бритвой и даже застал лезвие «Нева», которое, говорят, и сейчас уже выпускают. Но не в моем случае. В Николаеве станочек и лезвия не нашел и теперь каждое утро смотрю на опасную бритву как на врага народа. Я когда-то, в детстве, видел, как мои деды брились такой бритвой, и неплохо у них это получалось. Но не в моем случае. Все мое лицо за неделю украсилось сеткой порезов! Сколько я потратил газетных листков на остановку кровотечений!

С газетами тоже надо быть аккуратным. К примеру, порез смоченным слюной газетным кантом можно заклеить, но вот беда: газета типа «Правда» или местный «Вымпел» выпускаются с разным качеством бумаги и типографской краски. Так как нет туалетной бумаги, то в читающей и курящей стране это сущий дефицит, и в этом случае газетные листки самое то. Кусочек туалетной бумаги, главное, не кровь на порезах хорошо останавливает, он прекрасно используется по своему прямому назначению. Чего нельзя сказать о газетах. Дешевые местные газетенки не только в руках растворяются от малейшей влаги, они еще – дешевой типографской краской страшно мажутся. «Правда» или «Комсомольская правда» изготовлены из бумаги и печатаются краской лучших сортов и качества, в быту просто незаменимы, да вот только если вдруг политработники узнают, что кто-то газету с высказываниями партии... И так далее – порезал на заклеивание порезов лица или на скрутку, а если такой несознательный элемент использует... не по назначению. В общем, с оглядкой надо газетки подбирать, лучше вообще тетрадными листочками пользоваться. Тетрадки – тоже дефицит, но безопаснее.

Утром на подъеме флага встретился со своим экипажем. Внимательно всматриваясь в лица, постарался запомнить каждого и соответственно запомнить лычки званий. Найденный

у меня список личного состава с именами и отчествами включал в себя звания и должности каждого. Чем хороша система званий – она позволяет обращаться к человеку официально или неофициально, используя смену интонаций и ударений. Также, если ты помнишь список и должность, можно приближенно вычислить, с кем ты разговариваешь и о чем соответственно говорить.

Прямо на построении по подъему флагов постарался запомнить лица краснофлотцев, стоящих в группах, поделенных на боевые части и службы.

Круглые сутки каждые два часа корабль должны обходить дозорные по погребам, оставляя на специальных картонках время, дату и роспись обходившего. Кругом, где есть оружие и боезапас, дозорный со связкой ключей должен попасть мгновенно. Теперь, когда у корабля есть еще и боезапас, наше оружие и боезапас на барже, их служба для меня должна стать на особом контроле. Поэтому дозорных и заступающих сменщиков вывожу из строя и устраиваю дополнительный инструктаж перед всем экипажем. Разбираюсь также с дозорными по живучести. Мне надо запоминать лица и фамилии актива корабельной жизни.

После чего объявляю сбор офицеров и старшин в кают-компанию. Надо организовывать вахтенную и караульную службу на корабле и барже, не за горами и решение командования по выгрузке имущества с буксира – даю команду переносить оружие, боезапас и тумбы к 76-миллиметровым пушкам на корабль. Индивидуальные спасательные аппараты приказываю принять в арсенал как оружие, с записью в книгу учета.

Механик, узнав, что я привез сварочный аппарат с кучей электродов, ацетиленовую горелку в комплекте с аппаратом и кучей баллонов, пришел в восторг, пожелав немедленно брать штурмом трюм буксира ИП-22.

В связи с получением новейшего оружия, имущества и боеприпасов, а также будущей модернизацией корабля, обратил внимание нашему комсомольскому активу во главе с корабельным военкомом – усилить и организовать работу с людьми по будущей модернизации и обеспечению секретности на корабле и вне него. В общем, постарался нагнать жути на партийный актив. Мне надо, чтобы не на меня обращали внимание, а начали охоту на ведьм снаружи корабля, внутри – наоборот, люди должны считать работы по модернизации – вроде стахановского прорыва. Соответственно комиссар со своими людьми вынуждены будут проводить мои задачи в жизнь. А так как в это время люди довольно просты, надеюсь, мои, новые для них, идеи начнут воспринимать как надо, то есть проводить их в жизнь.

Теперь оставалось ждать решения командующего.

К 10.00 я получил вызов к командующему.

В салоне Николай Осиповича находились: бригадный комиссар Серебряников Олег Евгеньевич, начальник ПВО полковник Матвеев Василий Александрович и начальник разведотделения штаба старший лейтенант Зайцев Петр Андреевич. Разведчик, как и я, только недавно получил старлейские нашивки, а пэвэошник воевал еще в гражданскую войну.

– Товарищи командиры, в связи с изменениями в мире, о которых вы знаете из просмотров наших газет и иностранных журналов, можно почерпнуть информацию о состоянии и развитии авиационного вооружения за рубежом. Наш командир «Ударного» пришел к выводу о недостаточности нашего противовоздушного вооружения. В первую очередь, конечно, его интересует его корабль, но при работе и разборе этих вопросов он пришел к выводу о наличии опасности всему нашему соединению. – Сделав паузу и

поднявшись из-за стола, контр-адмирал открыл карту театра зоны ответственности соединения. На карте отображены красным цветом силы флотилии и Одесского ВО, а синим цветом – румынские части.

– Из газетных источников известно, что поляки в 1939 году перегнали свои самолеты в Румынию, однако, Петр Андреевич, доклада о таком событии от своего начальника разведки я не получал. Полк бомбардировщиков типа «Лось» – это не шутка. Может, уже на румынских аэродромах стоят и немецкие «юнкерсы»?

Товарищ старший лейтенант, а как вы думаете, с аэродрома в Фокшпанах могут ли по нам использоваться бомбардировщики?

– Там базируются истребители и легкие бомбардировщики. По бомбардировочной авиации – надо уточнять, – осторожно доложил разведчик.

– Товарищ Зайцев, вы так и не поняли, в первую очередь надо уточнять информацию о пикировщиках. Мои слова о «юнкерсах» вам что-нибудь говорят? Василий Александрович, у вас есть данные по немецким, румынским и польским пикировщикам. Немцы сейчас, как в тире, уничтожают английские корабли и летают над половиной Англии. Тактико-технические данные восемьдесят седьмого и восемьдесят восьмого «юнкерсов» у вас есть?

– Данные по восемьдесят седьмому «юнкерсу» есть, Николай Осипович. Пикирующий бомбардировщик, берет бомбу 250 или 500 килограммов или четыре бомбы по 50 килограммов. Скорость 275 километров в час, максимальная 320. Высота полета до семи километров. Радиус боевого применения около 500 километров. Данных по восемьдесят восьмому «юнкерсу» нет; о том, что он способен атаковать с пикирования, информации нет. Эту информацию также не мешало бы получить нашей разведке.

– Василий Александрович, а вот наш Прохоров заявляет, что Ю-87 атакует со скоростью 600 километров в час. Еще он пришел к выводу, что его зенитные средства не в состоянии бороться с пикировщиками. Возможно, он ошибается и не соответствует своей должности?

Начальник ПВО нашего участка достал из кармана платок и вытер вспотевшие виски и лоб.

– Возможно, Иван Александрович подает завышенные числа. Думаю, километров пятьсот в час будет.

– Значит, вы не уверены, Василий Александрович?

– А почему вы думаете, что Прохоров считает его счетверенные «максимы» неэффективными.

– Почему не эффективны? Они соответствуют проекту корабля. Вы что сомневаетесь в своем оружии? Зенитки установки 4-М доказали свою эффективность.

– Потому, Василий Александрович, что дальность стрельбы по деревянным самолетам по высоте 1600, а по высоте 1400 метров не соответствуют дальности поражения цельнометаллических «юнкерсов» и занижается почти в два раза. Это значит, что «юнкерс» будет в зоне поражения всего метров четырехста, со скоростью пикирования 600 километров в час на его поражение останется только две-три секунды. И поражающий эффект явно будет слабее.

– Почему вы считаете только 400 метров подлета к вам? Тут вы не правы.

– Потому что, когда он бросит бомбу, уже поздно будет по нему стрелять, его бомба уже будет лететь к нам. Кроме этого, надо будет стрелять по новому атакующему самолету.

– Я не собираюсь сейчас вступать в дискуссии. Вы должны верить в свое оружие, а не заниматься домыслами. Не забывайте – у флотилии есть зенитный артдивизион и даже

истребители.

– А как наши зенитчики смогут поражать «юнкерсы»? – решил войти в разговор военком.

– Конечно, нашей дальности стрельбы хватит перекрыть их максимальную высоту полета. Наши 76-миллиметровые зенитные пушки с наводкой, по данным ПУАЗО, позволяют решать задачу встречи и вырабатывать координаты упрежденной точки цели в пределах по дальности 700-12 000 метров, – попытался поднять свой авторитет Матвеев.

– Частично, пока пикировщики летят к району нахождения цели, наш ПУАЗО-2 может обстреливать цели и даже поразить несколько, пока они готовятся к пикированию. А вот, когда они начнут пикировать, то из-за непрерывного изменения скорости и высоты наши зенитчики не смогут эффективно с ними бороться. Тем более что данные для стрельбы на артустановки диктуются голосом. Снижается время реакции наводчиков и вероятность попадания в цель.

– Василий Александрович, что вы скажете, почему немецкие летчики так легко поражают англичан. Думаю, Прохоров в чем-то прав. Давайте спросим нашего главного истребителя, до какой скорости он может пикировать?

Командующий берет телефонную трубку и звонит Коробицыну – командиру нашей 96-й истребительной эскадрильи. У телефона просят подождать.

– Теперь опять к вам, Петр Андреевич. Товарищ Прохоров говорит, что в Александрии итальянцы атаковали корабли диверсантами. Англичане даже взяли некоторых в плен. Получается, что страны оси могут против нас использовать диверсантов, а мы не знаем даже, что это такое. У нас что, нет своих таких же? Я что-то не слышал. Насколько я понял, заниматься диверсантами и разведчиками – это ваша должностная обязанность. Жду вашего доклада. Думаю, недели хватит.

Звонит капитан Шило – командир истребителей.

– Александр Иванович, скажите, до какой скорости «юнкерс-87» разгоняется в пикировании?.. Вы не знаете... Плохо... А до какой скорости может разогнаться ваша «Чайка»... Пятьсот – пятьсот тридцать. А дальше нельзя?.. Биплан развалится... А если моноплан, «юнкерс» же моноплан... Думаете, много больше... Спасибо. – Абрамов положил трубку.

– Ну что, товарищи офицеры, слышали. За 550 километров в час моноплан может разогнаться. Получается, надо принимать расчеты Прохорова на веру.

Капитан первого ранга нажимает звонок вызова, и в кабинет заходит помощник оперативного дежурного.

– Вызовите начальника штаба, флагманского механика и артиллериста, начальника плавмастерской и начальника особого отдела. Пока хочу определить вашу совместную работу. Вам, Василий Александрович, совместно с Прохоровым разработать проект совместного учения по ПВО соединения с отражением атак пикирующих бомбардировщиков. Суть примерно такова: на базе монитора «Ударный» создаем корабль ПВО флотилии. Вот как раз и механик с артиллеристом пожаловали. Прохоров привез со складов Николаевской базы авиационные пулеметы и пушки, которые, говорят, устанавливаются на «Чайках». Но в первую очередь это вооружение должно пойти на создание дополнительного зенитного вооружения монитора. Также устанавливаем дополнительные зенитные пулеметы на два бронекатера и два глиссера.

– А откуда глиссеры? – спросил вошедший начальник штаба.

– А их нам механик с химиком и артиллеристом сделают. Задача – глиссеры обеспечивают быстрое задымление мест базирования и стоянки кораблей.

– Из чего я их строить буду? – спросил механик.

– Да хоть из кровельного железа. Главное – двигатели для них есть. К весне, думаю, что-то сделаете. Пулеметную установку 4-М, две дымшашки и три краснофлотца в экипаж. Два пулеметчика и командир. Плавмастерская становится рядом с «Ударным» и начинает заниматься его довооружением. Кроме этого, Прохоров привез нам прожекторы нескольких видов. Один передается зенитчикам и на базе «полуторки» артдивизион с привлечением электромеханической службы создает прожекторную станцию. Созданная прожекторная станция служит образцом для установки второго ее аналога на «Ударном». Прожекторы «Манжена» диаметром 75 сантиметров устанавливаем на остальных мониторах и двух бронекатерах, на которых размещаем 12,7-миллиметровые пулеметные установки. Отвечают за прожекторные станции флагманские артиллерист с механиком и Матвеев.

Начальник штаба совместно с товарищами Матвеевым, Подколзиным, Прохоровым и Зайцевым готовят планы мероприятий и учений. Цель на весеннем зачетно-тактическом учении показать нашу работу лицом. Вам, товарищ Зайцев, за счет роты обеспечения и водолазов с водолазного бота отделение разведки реорганизовать до взвода. С ближайшей целью – к лету иметь взвод разведки, на базе которого создадим к концу года роту разведки. В связи с необходимостью обеспечения секретности и обеспечения соответствующих мероприятий, с привлечением разведотделения, а потом и взвода создать охранный периметр вокруг монитора «Ударный», двух бронекатеров, водолазного бота и глиссеров, плавмастерской и прожекторной станции.

Начальнику особого отдела младшему лейтенанту госбезопасности Силаеву – привлечь к охране водного района, вокруг модернизирующихся кораблей, пограничный катер, а то и два. Составьте и утвердите у меня список допущенных к работам личного состава и гражданских лиц. Было бы не плохо вам лично или вашему представителю поселиться на мониторе.

Начальник штаба, для обеспечения охраны периметра вокруг модернизируемых кораблей выделите часть пирса, куда переведете плавающие единицы. Начальник ПВО, для взаимодействия с создаваемой корабельно-ударной группой, в которой командиром назначается Петр Александрович, выделяйте 463-ю батарею старшего лейтенанта Охоты, которому и введете в штат прожекторную станцию. В будущем в совместных учениях эту же батарею и будем готовить.

[Купить полную версию книги](#)